Октябрьская страна (сборник)

Автор:
Рэй Брэдбери

Октябрьская страна (сборник)

Рэй Дуглас Брэдбери

Еще девятнадцать историй от великого мастера.

В предисловии к сборнику Рэй Брэдбери немного приоткрывает дверь на свою писательскую кухню. Загляните в щелочку – и узнаете верный рецепт, как написать гениальный рассказ о старушке, которая не пожелала умирать, или о странном постояльце со второго этажа, предпочитавшем работать по ночам. Правда, для этого для начала нужно родиться всего лишь Рэем Брэдбери.

Рэй Брэдбери

Октябрьская страна (сборник)

Позвольте мне умереть прежде моих голосов

Вы спросите: ну и как следует понимать этот дурацкий заголовок?

А вот как. С тех пор как мне исполнилось то ли двадцать два, то ли двадцать три, каждое утро, спозаранку, в моей голове раздаются голоса. Я так и зову их: «Театр утренних голосов». Оставаясь в постели, я лежу и слушаю, как они переговариваются в эхо-камере между моих ушей. Рано или поздно они становятся очень громкими – спорят, или страстно декламируют, или

состязаются в остроте с кончиком рапиры. Тогда я вскакиваю (тихонько) и сажусь за пишущую машинку, пока в моей голове еще звучит эхо. И к полудню у меня уже бывает готов рассказ, или стихотворение, или акт пьесы, или глава романа.

Но так было не всегда.

Я начал писать в двенадцать лет. В то время я обожал такие книги, как «Тарзан» Эдгара Райса Берроуза, «Волшебник» Фрэнка Баума, «Капитан Немо» Жюля Верна, и всячески старался создать нечто подобное. Если утренние голоса и пытались тогда до меня докричаться, я их не слышал.

Таким образом, первые десять лет своего писательства я производил на свет совершеннейшую белиберду, которая если и заслуживает упоминания, то только как свидетельство моих безнадежных попыток стать тем, кем мне быть не дано. Подражательство занимало все мои мысли, и подлинная муза творца, живущего во мне, не имела шансов поднять свою прелестную головку.

Иначе говоря, за моим продолговатым мозгом находились неведомые земли, куда я ни разу не забредал в своих странствиях. Неведомой землей Шекспира была Смерть собственной персоной. Моя же неоткрытая страна (как выяснилось позже, когда я все-таки набросал ее карту по подсказкам голосов) скрывала в себе идеи, представления, понятия и причудливые образы, причем свои, оригинальные, каких не найдешь у Берроуза, Баума или Верна. И мне пришлось отучить себя делать из кумиров образцы для подражания и, продолжая любить их, перестать строить из себя Джона Картера, Тик-Тока или безумного капитана «Наутилуса».

Первый прорыв я совершил, еще когда учился в средней школе. Мне вспомнилось одно мрачное место в моем родном городке, и я написал рассказ под названием «Овраг», наполненный ощущением ужаса и затаившейся поблизости смерти. По молодости лет я не понял, что впервые создал собственное полноценное произведение, что мои нервные окончания и ганглии породили нечто свежее. Я спрятал рассказ в стол и вернулся на дорогу, ведущую в страну Оз и Барсум. Чем и отдалил лет на пять-шесть тот день, когда мне предстояло стать самим собой.

Талант начал просыпаться во мне благодаря одной из нелепейших случайностей в мире. Когда мне было двадцать два, я стал составлять списки существительных – так я пытался расшевелить свое подсознание и что-нибудь из него выудить. Ничего не получалось, пока однажды, сидя в жаркий полдень на солнцепеке с портативной пишущей машинкой, я не напечатал одно слово: «Озеро». Мне сразу вспомнилось лето, когда мне было семь лет. Белокурая девчушка, с которой мы строили замок из песка, забежала в озеро и не вернулась. Смерть и вода, вода и смерть… Как загадочно, как интригующе!

И, не теряя времени, я принялся вспоминать этот день, стуча по клавишам машинки. К вечеру рассказ «Озеро» был готов, а мои щеки – мокры от слез. С тех пор, после многих лет бездарных блужданий в потемках, я обращаю взор внутрь себя, ловлю все оригинальное, что обнаружится в моей голове, и пришпиливаю к бумаге. «Озеро» вышло несколько месяцев спустя в «Страшных историях» («Weird tales») и позже десятки раз переиздавалось в различных сборниках.

С того дня я начал интересоваться, что творится в моем мозгу – в его левом, правом, а то и вовсе каком-нибудь потустороннем полушарии. Я обнаружил, что для этого полезно перечитывать списки моих излюбленных имен существительных – хотя я не могу объяснить, чем эти слова так мне понравились. Стоит мне заглянуть в такой список, как на ум начинают приходить воспоминания или необычные метафоры. Один из моих ранних перечней выглядел примерно так.

Ночь

Чердак

Овраг

Одуванчики

Свистки ночного поезда

Теннисные туфли

Веранды

Карусели

Приезд цирка на рассвете

Потом, спустя много месяцев и лет, я брал эти слова, вертел их так и этак, шлифовал в мастерской позади глаз и ждал, когда предрассветные голоса облекут их в форму, возвысят их и отведут меня к моему «ундервуду».

Вскоре я понял, что, хотя в двенадцать, шестнадцать, восемнадцать и даже двадцать лет моей мечтой было писать научную фантастику, я, к счастью это или нет, являюсь внебрачным сыном Призрака Оперы, Дракулы и летучей мыши. Я вышел из дома Эшеров, мои тетушки и дядюшки ведут свой род от По. В течение следующих нескольких лет я написал большинство рассказов «Октябрьской страны» и продал их в «Страшные истории» по полцента или пенни за слово. При этом я решительно пропускал мимо ушей все предостережения редакторов, что мои рассказы не очень-то соответствуют представлению о страшных историях или историях о привидениях. Не мог бы я писать что-нибудь более, э-э, традиционное?

Я не мог и отправил им «Скелет» и «Толпу».

На «Скелет» я наткнулся благодаря своему семейному врачу. Я пожаловался ему на странные боли в горле, а он сказал: «Это совершенно нормально. Просто вы прежде никогда не обращали внимания на то, что происходит с тканями, мышцами и сухожилиями вашей шеи, да если уж на то пошло, то и всего тела. Взять хотя бы medulla oblongata, продолговатый мозг…»

Medulla oblongata! Язык сломаешь! Я отправился домой, ощущая каждую свою кость: коленные чашечки, ребра, которые поднимались и опускались при дыхании, локти, все эти тайные готические символы тьмы, – и написал «Скелет». С тех пор он не теряет популярности.

Примерно в то же самое время предрассветные голоса обернулись ночными кошмарами: мне вспомнилась автокатастрофа, которая произошла у меня на

глазах, когда мне было пятнадцать лет. Пять человек тогда разорвало на куски. За несколько мгновений на месте катастрофы собралась толпа, люди словно из-под земли выросли. Несчастье произошло у ворот местного кладбища. Я подумал: «А что, если…» – и написал «Толпу».

Несколько лет подряд мои рассказы, рожденные благодаря чистым озарениям, появлялись почти в каждом номере «Страшных историй». Работая над ними, я подходил к пониманию того, как буду писать научную фантастику, если осмелюсь посягнуть на этот жанр. В результате появились, разумеется, «Марсианские хроники», в которых лишь пять процентов научной фантастики, а остальные девяносто пять – фэнтези. Борцы за чистоту жанра до сих пор попрекают меня – как я посмел придать безвоздушному Марсу атмосферу только ради того, чтобы мои чудаковатые герои могли спокойно разгуливать и дышать без всяких чертовых скафандров.

Появлением «Дня возвращения» я обязан дому, который стоял по соседству с домом моих бабушки и дедушки. Когда я был маленьким, мы с тетей Невой накануне Хеллоуина ездили за город за охапками кукурузы и тыквами, чтобы украсить дом. Потом я забивался на чердак, преображался там в ведьму с восковым носом и бородавчатым подбородком и отправлялся пугать родственников и соседей. Члены семьи из «Дня возвращения» носят имена моих дядьев и теток. Дядю Эйнара я назвал в честь любимого дядюшки, шведа по происхождению, который обожал громко петь. Я так любил его, что дал ему крылья и научил парить в небесах.

Наконец, «Следующий» был написан после того, как меня по глупости занесло в могильные катакомбы в мексиканском городке Гуанахуато. Я бродил между бесконечных штабелей высохших, как мумии, трупов мужчин, женщин и детей. Детские останки были примотаны проволокой к запястьям женщин. Всех этих мертвецов выселили из могил на кладбищах за неуплату аренды. Побывав однажды в катакомбах, я обнаружил, что сбежать из этого адского места практически невозможно. Мумии преследовали меня, пока я не захоронил их в «Следующем».

Так я и писал рассказ за рассказом, пока однажды не высунулся из раковины и не изобразил в своем лице то, о чем однажды сказал Джерард Мэнли Хопкинс: «Теперь я понял: то, что я делаю, и есть я». С той поры я только и делаю, что пытаюсь оставаться собой.

Первый раз «Октябрьская страна» увидела свет под названием «Темный карнавал». Рассказ, который дал сборнику это название, я не успел закончить вовремя, и в книгу он не вошел. Он ждал своего часа, обрастая полночными часами и похоронными процессиями, и в конце концов превратился в роман «Надвигается беда», опубликованный в 1962 году.

А это после долгих странствий возвращает нас к заглавию данного предисловия: «Позвольте мне умереть прежде моих голосов». Голоса звучат по сей день, и я все так же прислушиваюсь к ним и следую их безумным советам. Если когда-нибудь, проснувшись на рассвете, я не услышу их, то пойму, что моя жизнь подошла к концу. Но если повезет, голоса будут раздаваться в моей голове до самого последнего дня и в свой последний день я буду по-прежнему счастлив.

Карлик

Эйми отрешенно смотрела на небо.

Тихая ночь была такой же жаркой, как и все это лето. Бетонный пирс опустел; гирлянды красных, белых и желтых лампочек светились над деревянным настилом сотней сказочных насекомых. Владельцы карнавальных аттракционов стояли у своих шатров и, словно оплавленные восковые фигуры, безмолвно и слепо разглядывали темноту.

Час назад на пирс пришли два посетителя. Эта единственная пара развлекалась теперь на «американских» горках и с воплями скатывалась в сиявшую огнями ночь, перелетая из одной бездны в другую.

Эйми медленно зашагала к берегу, перебирая пальцами несколько потертых деревянных колец, болтавшихся на ее руке. Она остановилась у билетной будки, за которой начинался «Зеркальный лабиринт». В трех зеркалах, стоявших у входа, мелькнуло ее печальное лицо. Тысячи усталых отражений зашевелились в глубине коридора, заполняя чистый и прохладный полумрак горячими конвульсиями жизни.

Она вошла внутрь и остановилась, задумчиво рассматривая тощую шею Ральфа Бэнгарта. Тот раскладывал пасьянс, покусывая желтыми зубами незажженную сигару. Веселая пара на «американских» горках вновь завопила, скатываясь вниз в очередную пропасть, и Эйми вспомнила, о чем хотела спросить.

– Интересно, что привлекает людей в этих взлетах и падениях?

Помолчав с полминуты, Ральф Бэнгарт вытащил сигару изо рта и с усмешкой ответил:

– Многим хочется умереть. «Американские» горки дают им почувствовать смерть.

Он прислушался к слабым винтовочным выстрелам, которые доносились из тира.

– Наш бизнес создан для идиотов и сумасшедших. Взять хотя бы моего карлика. Да ты его видела сотню раз. Он приходит сюда каждую ночь, платит десять центов, а потом тащится через весь лабиринт в комнату Чокнутого Луи. Если бы ты только знала, что он там вытворяет. О боже! На это действительно стоит посмотреть!

– Он такой несчастный, – ответила Эйми. – Наверное, тяжело быть маленьким и некрасивым. Мне его так жалко, Ральф.

– Я мог бы играть на нем, как на аккордеоне.

– Перестань. Над этим не шутят.

– Ладно, не дуйся. – Он игриво шлепнул ее ладонью по бедру. – Ты готова тревожиться даже о тех парнях, которых не знаешь. – Ральф покачал головой и тихо засмеялся. – Кстати, о его секрете. Он еще не в курсе, что я знаю о нем, понимаешь? Поэтому лучше не болтай, иначе парень может обидеться.

– Какая жаркая ночь.

Она нервно провела пальцами по деревянным кольцам на своей руке.

– Не меняй темы, Эйми. Он скоро придет. Ему даже дождь не помеха.

Она отступила на шаг, но Ральф ухватил ее за локоть.

– Чего ты боишься, глупенькая? Неужели тебе не интересно посмотреть на причуды карлика? Тихо, девочка! Кажется, это он.

Ральф повернулся к окну. Тонкая и маленькая волосатая рука положила на билетную полку монету в десять центов. Высокий детский голос попросил один билет, и Эйми, сама того не желая, пригнулась, чтобы посмотреть на странного посетителя.

Карлик бросил на нее испуганный взгляд. Этот черноглазый, темноволосый уродец напоминал человека, которого сунули в давильный пресс, отжали до блеклой кожуры, а потом набили ватой – складку за складкой, страдание за страданием, пока поруганная плоть не превратилась в бесформенную массу с распухшим лицом и широко раскрытыми глазами. И эти глаза, должно быть, не закрывались и в два, и в три, и в четыре часа ночи, несмотря на теплую постель и усталость тела.

Ральф надорвал желтый билет и лениво кивнул:

– Проходите.

Будто испугавшись приближавшейся бури, карлик торопливо поднял воротник черной куртки и вперевалку зашагал по коридору. Десять тысяч смущенных уродцев замелькали в зеркалах, как черные суетливые жуки.

– Быстрее!

Ральф потащил Эйми в темный проход за зеркалами. Она почувствовала его руки на своей талии, а потом перед ней возникла тонкая перегородка с маленьким отверстием для подглядывания.

– Смотри, смотри, – хихикал он. – Только не смейся громко.

Она нерешительно взглянула на него и прижала лицо к стене.

– Ты видишь его? – прошептал Ральф.

Эйми кивнула, стараясь унять гулкие удары сердца. Карлик стоял посреди небольшой голубой комнаты – стоял с закрытыми глазами, предвкушая особый для него момент. Он медленно приоткрыл веки и посмотрел на большое зеркало, ради которого приходил сюда каждую ночь. Отражение заставило его улыбнуться. Он подмигнул ему и сделал несколько пируэтов, величаво поворачиваясь, пригибаясь и медленно пританцовывая.

Зеркало повторяло его движения, удлиняя тонкие руки и делая тело высоким, красивым и стройным. Оно повторяло счастливую улыбку и неуклюжий танец, который позже закончился низким поклоном.

– Каждую ночь одно и то же! – прошептал Ральф. – Забавно, правда?

Она обернулась и молча посмотрела на его тонкий, искривленный в усмешке рот. Не в силах противиться любопытству, Эйми тихо покачала головой и вновь прижалась лицом к перегородке. Она затаила дыхание, взглянула в отверстие, и на ее глазах появились слезы.

А Ральф толкал ее в бок и шептал:

– Что он там делает, этот маленький урод?

Через полчаса они сидели в билетной будке и пили кофе. Перед уходом карлик снял шляпу и направился было к окошку, но, увидев Эйми, смутился и зашагал прочь.

– Он что-то хотел сказать.

– Да. И я даже знаю, что именно, – лениво ответил Ральф, затушив сигару. – Парнишка застенчив, как ребенок. Однажды ночью он подошел ко мне и пропищал своим тонким голоском: «Могу поспорить, что эти зеркала очень дорогие». Я сразу смекнул, к чему он ведет, и ответил, что зеркала безумно дорогие. Коротышка думал, что у нас завяжется разговор. Но я больше ничего не сказал, и он отправился домой. А на следующую ночь этот придурок заявил:

«Могу поспорить, что такие зеркала стоят по пятьдесят или даже по сто баксов». Представляешь? Я ответил, что так оно и есть, и продолжал раскладывать пасьянс…

– Ральф… – тихо сказала Эйми.

Он взглянул на нее и с удивлением спросил:

– Почему ты так на меня смотришь?

– Ральф, продай ему одно из своих запасных зеркал.

– Слушай, девочка, я же не учу тебя, как вести дела в твоем аттракционе с кольцами.

– А сколько стоят такие зеркала?

– Я достаю их через посредника за тридцать пять баксов.

– Почему же ты не скажешь этому парню, куда он может обратиться за покупкой?

– Эйми, тебе просто не хватает хитрости.

Ральф положил руку на ее колено, но она сердито отодвинулась.

– Даже если я назову ему адрес поставщика, он не станет покупать это зеркало. Ни за что на свете! Пойми, он застенчив, как дитя. Если парень узнает, что я видел его кривляние в комнате Чокнутого Луи, он больше сюда не придет. Ему кажется, что он, как и все другие, бродит по лабиринту и что зеркало не имеет для него никакого значения. Но это обычный самообман! Карлик появляется здесь только по ночам, когда поток посетителей убывает и он остается в комнате один. Бог его знает, чем он тешит себя в праздничные дни, когда у нас полным-полно народа. А ты подумай, как сложно ему купить такое зеркало. У него нет друзей, и даже если бы они были, он не осмелился бы просить их о подобной покупке. Чем меньше рост, тем больше гордость. Он ведь и со мной заговорил только потому, что я единственный, кто смыслит в кривых зеркалах. И

потом, ты же видела его – он слишком беден, чтобы тратиться на такие вещи. В нашем чертовом мире работу найти нелегко, особенно карлику. Наверное, живет на какое-то нищенское пособие, которого едва хватает на еду и парк аттракционов.

– Какая ужасная участь! Мне так его жаль. – Эйми опустила голову, скрывая набежавшие слезы. – Где он живет?

– На Ганджес-Армс, в портовом районе. Там комнаты метр на метр – как раз для него. А почему ты спрашиваешь?

– Влюбилась. Мог бы и сам догадаться.

Он усмехнулся, прикусив желтыми зубами незажженную сигару.

– Эйми, Эйми! Вечно ты со своими шуточками…

Теплая ночь переросла в горячее утро, а затем в пылающий полдень. Море казалось голубым покрывалом, усыпанным блестками и крошевом битого стекла. Эйми шла по многолюдной набережной, прижимая к груди пачку выгоревших на солнце журналов. Свернув на пирс, она подбежала к павильону Бэнгарта и, открыв дверь, закричала в жаркую темноту:

– Ральф? Ты здесь? – Ее каблучки застучали по деревянному полу за зеркалами. – Ральф? Это я!

Кто-то вяло зашевелился на раскладушке.

– Эйми?

Ральф сел и включил тусклую лампу на туалетном столике. Протерев полусонные глаза, он покосился на нее и сказал:

– Ты выглядишь как кошка, слопавшая канарейку.

– Я кое-что узнала об этом маленьком человечке.

– О карлике, милая Эйми, об уродливом карлике. Маленькие человечки появляются из наших яичек, а карлики рождаются из гланд…

– Ральф! Я только что узнала о нем потрясающую вещь!

– О боже, – пожаловался он своим рукам, словно призывал их в свидетели. – Что за женщина! Я бы и двух центов не дал за какого-то мелкого гаденыша…

– Ральф! – Она раскрыла журнал, и ее глаза засияли. – Он писатель! Подумай только! Писатель!

– Слишком жаркий денек, чтобы думать.

Он снова лег на раскладушку и с игривой улыбкой осмотрел ее фигуру.

– Я прошлась сегодня утром по Ганджес-Армс и встретила мистера Грили – знакомого продавца. Он сказал, что мистер Биг[1 - Большой (англ.).] печатает на машинке и днем и ночью.

– У этого карлика такая фамилия?

Ральф начал давиться смехом.

– Рассказы писателей часто связаны с их реальной жизнью, – продолжала Эйми. – Я нашла одну из его историй в прошлогоднем журнале, и знаешь, Ральф, какая мысль пришла мне в голову?

– Отстань. Я хочу спать.

– У этого парня душа огромная, как мир; в его воображении есть то, что нам даже и не снилось!

– Почему же он тогда не пишет для больших журналов?

– Наверное, боится или еще не понимает, что это ему по силам. Так всегда бывает – люди не верят в самих себя. Но если он когда-нибудь наберется храбрости, уверяю тебя, его рассказы примут где угодно.

– Так ты думаешь, он богат?

– Вряд ли. Известность приходит медленно, и он сейчас, скорее всего, довольствуется жалкими грошами. Но кто из нас не сидел на мели? Хотя бы немного? А как, должно быть, трудно пробиться в люди, если ты такой маленький и живешь в дешевой однокомнатной конуре…

– Черт! – прорычал Ральф. – Ты говоришь как бабушка Флоренс Найтингейл.

Она полистала журнал и нашла нужную страницу.

– Я прочитаю тебе отрывок из его детективной истории. В ней говорится об оружии и крутых парнях, но рассказ идет от лица карлика. Наверное, издатели даже не знали, что автор писал о себе. Ах, Ральф, прошу тебя, не закрывай глаза. Послушай! Это действительно интересно.

И она начала читать вслух:

– «Я карлик. Карлик-убийца. Теперь эти два понятия уже неразделимы. Одно стало причиной другого.

Я убил человека, когда мне исполнился двадцать один год. Он издевался надо мной: останавливал на улице, поднимал на руки, чмокал в лоб и баюкал, напевая “баюшки-баю”. Он тащил меня на рынок, бросал на весы и кричал: “Эй, мясник! Взвесь мне этот жирный кусочек!”

Теперь вы понимаете, почему я погубил свою жизнь и пошел на убийство? И все из-за этого ублюдка, терзавшего мою душу и плоть!

Мои родители были маленькими людьми, но не карликами – вернее, не совсем карликами. Доходы отца позволяли нам жить в собственном доме, похожем на белое свадебное пирожное безе: крохотные комнаты, миниатюрные картины и мебель, камеи и янтарь с комарами и мухами – все маленькое, малюсенькое,

микроскопическое! Мир гигантов оставался вдалеке, как шум машин за высокой садовой стеной. Мои несчастные мама и папа! Они делали все, что могли, и берегли меня, словно фарфоровую вазу – единственную драгоценность в их муравьином мире, с домиком-ульем, дверцами для жуков и окнами для бабочек. Лишь теперь я понимаю гигантские размеры их психоза. Им казалось, что они будут жить вечно, оберегая меня, как мотылька, под стеклянным колпаком. Но сначала умер отец, а потом сгорел наш дом – это маленькое гнездышко с зеркалами, похожими на почтовые штампы, и шкафами, которые напоминали своими размерами солонку. Мама не успела выбежать при пожаре, и я остался один на пепелище родного крова, брошенный в мир чудовищ неудержимым оползнем реальности. Жизнь подхватила меня и закрутила в водовороте событий, унося на самое дно общества, в эту мрачную зияющую пропасть.

Мне потребовался год, чтобы привыкнуть к миру людей: на работу меня не принимали, и казалось, что на всем свете не было места для такого, как я. А потом появился Мучитель… Он нацепил мне на голову детский чепчик и закричал своим пьяным друзьям: “Я хочу познакомить вас со своей малышкой!”»

Эйми замолчала и смахнула слезу, бежавшую по щеке. Ее рука дрожала, когда она передавала Ральфу журнал.

– Почитай! Это его жизнь! Это история убийства! Теперь ты понимаешь, что он человек? Маленький и сильный человек!

Ральф отбросил журнал в сторону и лениво прикурил сигару.

– Мне нравятся только вестерны.

– Но ты должен это прочитать. Ему нужен человек, который мог бы поддержать его в такое трудное время. Он настоящий писатель, однако парня надо в этом убедить.

Ральф с усмешкой склонил голову набок:

– И кто же это сделает? Ты и я? Небесные посланники Спасителя?

– Не говори со мной таким тоном!

– А ты тогда пошевели мозгами, черт возьми! Тебе захотелось понянчить его на своей груди, но он уже сыт по горло этой дешевой жалостью. Как только ты появишься у него со слезами и слюнями, он выставит тебя за дверь, и правильно сделает.

Она задумалась над его словами, стараясь рассмотреть вопрос со всех сторон.

– Не знаю, Ральф. Возможно, ты прав. Но это не только жалость. Хотя он действительно может понять меня как-то неверно, и я должна быть предельно осторожна.

Он встряхнул ее и по-дружески ущипнул за щеку.

– Отстань от него, Эйми, я тебя прошу. Ты ничего не получишь, кроме проблем и неприятностей. Я еще никогда не видел, чтобы ты так заводилась. Давай лучше сделаем себе хороший день: пообедаем, поболтаем немного, прокатимся по побережью до какого-нибудь маленького городка и поужинаем в ресторане с первоклассным шоу. Черт с ним, с этим карнавалом, а? Один хороший день и никаких забот! Я тут припас на такой случай небольшую сумму.

– Понимаешь, он другой, – ответила Эйми, всматриваясь в темноту. – Он такой, какими мы уже никогда не будем – ни ты, ни я, ни остальные на этом пирсе. Как странно, правда? Судьба дала ему тело, которое годится только для карнавальных забав, но он сумел пробиться в люди. А мы получили все, чтобы не торчать в балаганах, и тем не менее оказались здесь, на этом проклятом пирсе. Иногда мне кажется, что от нас до берега миллионы миль. Мы смеемся над его телом, но у него есть мозги, и он может создавать в своих книгах чудесные миры, которые нам даже не снились.

– Черт, ты даже меня не слушала, – возмутился Ральф, вскакивая с раскладушки.

Она сидела, опустив голову, и ее руки, сложенные на коленях, сотрясала мелкая дрожь. Голос Ральфа казался далеким, как морской прибой.

– Мне не нравится этот взгляд на твоем лице, – произнес он с тяжелым вздохом.

Эйми медленно открыла кошелек и, вытащив оттуда несколько смятых банкнот, начала их пересчитывать.

– Тридцать пять. Сорок долларов. Наверное, хватит. Я собираюсь позвонить Билли Файну и попросить его отправить одно из кривых зеркал на Ганджес-Армс для мистера Бига.

– Что?

– Ты только подумай, Ральф, как он обрадуется, когда получит это зеркало. Он поставит его в своей комнате и будет пользоваться им, когда захочет. Я могу позвонить по твоему телефону?

– Делай что хочешь. Черт возьми, ты просто рехнулась!

Он повернулся и зашагал по коридору. Чуть позже хлопнула дверь.

Эйми подождала еще несколько секунд, потом подняла трубку и с болезненной медлительностью начала накручивать телефонный диск. Перед последней цифрой она затаила дыхание и, закрыв глаза, представила, как тяжело и грустно живется в этом мире маленьким людям. А как, наверное, приятно получить в подарок большое зеркало – зеркало для твоей комнаты, где ты можешь любоваться своим большим отражением, писать рассказы и не покидать уютных стен до тех пор, пока тебе этого не захочется. Но возможна ли такая чудесная иллюзия на нескольких квадратных метрах жилья? Что она принесет ему: радость или печаль, страдание или помощь? Она смотрела на телефон и мечтательно кивала. По крайней мере, за ним перестанут подсматривать. Ночь за ночью, поднимаясь в три или четыре часа, он будет танцевать и улыбаться, кланяться и махать себе руками – высокий-высокий, красивый и мужественный в этом сияющем зеркале.

Голос в трубке ответил:

– Билли Файн слушает.

– О, Билли! – воскликнула она.

И снова ночь опустилась на пирс. Темный океан вздыхал и ворочался, осыпая брызгами деревянный настил. Ральф застыл в своей будке, как восковая фигура. Он навис над картами с приоткрытым ртом, и пирамида окурков у его локтя становилась все больше и больше. Пройдя под паутиной голубых и красных ламп, Эйми улыбнулась и помахала ему рукой. Но он, казалось, не замечал ее приближения. Его холодный взгляд застыл на разложенных картах.

– Привет, Ральф, – сказала она.

– Что нового в делах Амура? – спросил он, поднося ко рту грязный бокал с холодной водой. – Как поживает Чарли Бойер и Кэри Грант?

– Посмотри, я купила себе новую шляпку, – улыбаясь, ответила она. – У меня сегодня прекрасное настроение! И знаешь почему? Завтра утром Билли Файн отправит писателю зеркало! Ты только представь лицо этого парня!

– Я не так силен в воображении.

– Ты дуешься на меня, словно я собираюсь выйти за него замуж.

– А почему бы и нет? Будешь носить его с собой в чемодане. Тебя спросят: «Где твой муж?», а ты откроешь крышку и скажешь: «Вот он, голубчик!» Это как серебряный кларнет. В час раздумий ты будешь вытаскивать его из футляра и, немного поиграв, укладывать назад. Только не забудь поставить туда маленькую коробочку с песком.

– И все равно я чувствую себя прекрасно, – ответила Эйми.

– Твоя благотворительность похожа на пощечину. – Поджав губы, Ральф мрачно посмотрел на карты. – Я знаю, с чего все началось. Ты решила наказать меня за то, что я подсматривал за этим карликом. Теперь он получит свое зеркало, а я – пинок под зад. Такие, как ты, всегда перебегали мне дорогу, отнимая маленькие радости и лишая жизнь удовольствий.

– Тогда больше не зови меня к себе на выпивку. Терпеть не могу жалобы слабаков!

Ральф тяжело вздохнул и тихо прошептал:

– Ах, Эйми, Эйми. Неужели ты думаешь, что чем-то поможешь этому парню? Он проклят своей судьбой, и ты напрасно убеждаешь себя в обратном. Я знаю, что у тебя на уме. «Пусть меня считают дурой, но мой подарок сделает его счастливым». Верно?

– Я готова на все, если моя глупость принесет кому-то искреннюю радость, – ответила она.

– О боже, избавь меня от таких благодетелей…

– Замолчи! – закричала Эйми и закрыла лицо руками. – Замолчи! Замолчи!

После нескольких минут напряженного безмолвия Ральф отодвинул в сторону запятнанный стакан и поднялся.

– Ты посидишь за меня в будке? Мне надо отлучиться по делам.

– Ладно, иди. Я посижу.

Она увидела, как тысячи холодных отражений замелькали среди зеркал по стеклянным коридорам – тысячи поджатых губ и скрюченных в гневе пальцев. Эйми сидела, вслушиваясь в тиканье старых настенных часов. Внезапно по ее телу пробежала дрожь. Она попыталась успокоиться, раскладывая пасьянс. Но озноб усиливался с каждой минутой. В глубине лабиринта застучал молоток, потом раздались странные протяжные звуки. Она ждала, задыхаясь от страха и наступившей тишины. В освещенном проходе зашевелились ряды отражений. Они возникали и исчезали, подпрыгивали и сгибались, пока Ральф шел среди зеркал, разглядывая ее напуганную фигуру. Когда он подошел к двери, Эйми услышала его тихий смех.

– Что тебя так развеселило? – осторожно спросила она.

– Слушай, милочка, – ответил Ральф, – мы же не хотим поссориться, правда? Значит, завтра мистер Биг получит от Билли большое зеркало?

– Ты решил устроить какую-то пакость?

– О нет! Зачем мне это?

Забрав у нее карты, он вышел из будки. Его лицо сияло от удовольствия; проворные руки быстро тасовали колоду. Остановившись у двери, Эйми смущенно смотрела на отрешенную ухмылку Ральфа. Ее правый глаз начал подергиваться, и она прижала пальцем нижнее веко. Старые часы отмеряли минуты. У стен пирса шумели волны, и воздух казался густым от влажной духоты и низких облаков. Далеко над морем змеились вспышки молний.

– Ральф, – прошептала она.

– Успокойся, Эйми, – ответил он.

– Я о той поездке по побережью, которую ты мне предлагал…

– Можем поехать хоть завтра… или через месяц, – произнес он. – Или через год. Старина Ральф Бэнгарт терпеливый парень. Я ни о чем не тревожусь. Вот, смотри. – Он протянул руку к ее лицу. – Я абсолютно спокоен.

Она подождала, пока над морем не утих раскат грома.

– Прости, если я тебя расстроила. Только не надо делать ничего плохого. Обещай мне это, Ральф.

В лицо пахнуло запахом дождя. Порыв прохладного ветра закружил обрывки карнавальных лент. В будке тикали часы, и Эйми кусала губы, наблюдая за картами, которые мелькали в руках Ральфа. Из тира доносились выстрелы и звон падавших мишеней.

А потом появился он.

Карлик шел по безлюдной набережной, и его маленькое тело раскачивалось из стороны в сторону. В свете уличных фонарей смуглое лицо Бига казалось маской боли, как будто каждое движение требовало от него неимоверных усилий. Когда он свернул на пирс, у Эйми забилось сердце. Ей хотелось подбежать к нему и

закричать: «Это твоя последняя ночь, и больше никто не будет подсматривать за тобой!» Ей хотелось плакать и смеяться; ей хотелось сказать это Ральфу в лицо. Но она промолчала.

– О, кого мы видим! – воскликнул Ральф. – Сегодня вход бесплатный! Специально для старых клиентов!

Карлик взглянул на него снизу вверх, испуганно отступил на шаг, и в его маленьких черных глазах отразилось замешательство. Зашептав слова благодарности, он поднял руку и начал натягивать горлышко свитера на дрожащий подбородок. Другая рука сжимала серебряную монетку. Осмотревшись по сторонам, он быстро кивнул и вошел в зеркальный коридор. Тысячи перекошенных мукой лиц замелькали на стеклянных стенах лабиринта.

– Ральф, – прошептала Эйми, вцепившись в его локоть. – Что ты задумал?

– Решил поиграть в благотворительность, – с усмешкой ответил он.

– Ральф!

– Тихо! Слушай!

Они замерли в теплой тишине билетной будки, и через пару минут в глубине лабиринта послышался крик.

– Ральф!

– Ты думаешь, это все? – ответил он. – Послушай, что будет дальше!

Раздался еще один крик, за которым последовали горькие рыдания и стремительный топот. Судя по звукам, карлик налетал на зеркала, отскакивал от них и, истерично завывая, метался в тупиках лабиринта. Когда он выскочил в коридор, Эйми отшатнулась, увидев его широко открытый рот и дрожащие щеки, по которым стекали слезы. Мистер Биг пронесся мимо нее в пылавшую молниями ночь и, затравленно осмотревшись, побежал по пирсу.

– Что ты сделал, ублюдок?

Ральф корчился от хохота и хлопал себя ладонями по ляжкам. Она ударила его по щеке.

– Что ты сделал?

Он не мог перестать смеяться.

– Идем. Я все тебе покажу.

Они шли по лабиринту раскаленных добела зеркал, и тысячи пятен ее губной помады казались красными огоньками, сиявшими в серебряной пещере. С обеих сторон мелькали сотни истеричных женщин, за которыми крались хищные фигуры мужчин с искривленными ртами.

– Идем, идем, – шептал он за ее спиной.

Они вошли в небольшую комнату, заполненную запахом пыли.

– О боже! Ральф, что ты наделал?

Это была заветная комната, которую карлик посещал каждую ночь в течение целого года. Он входил сюда, как в святилище, с закрытыми глазами, предвкушая чудесный миг, когда его уродливое тело станет большим и красивым.

Прижимая руки к груди, Эйми медленно подошла к зеркалу.

Оно было другим. Оно превращало людей в крохотных и скорченных чудовищ – даже самых высоких, самых прекрасных людей. И если новое зеркало придавало Эйми такой жалкий и отвратительный облик, что же оно сделало с карликом – этим напуганным маленьким существом?

Она повернулась к Ральфу и с упреком взглянула ему в глаза:

– Зачем? Зачем ты так?

– Эйми! Вернись!

Но она уже бежала мимо зеркал. Из-за жгучих слез ей было трудно найти дорогу, и она почти не помнила, как оказалась на ночном пирсе. Не зная, в какую сторону идти, Эйми остановилась. Ральф схватил ее за плечи и развернул к себе. Он что-то говорил, но его слова походили на бормотание за стеной гостиничного номера. Голос казался далеким и незнакомым.

– Замолчи, – прошептала она. – Я не хочу тебя слушать.

Из тира выбежал мистер Келли.

– Эй, вы не видели тут маленького паренька? Подлец стащил у меня заряженный пистолет. Вырвался прямо из рук! Я вас прошу, помогите мне его найти!

Он побежал дальше, выискивая воришку между брезентовых шатров под гирляндами синих, красных и желтых ламп. Эйми медленно пошла за ним следом.

– Куда ты направилась?

Она посмотрела на Ральфа как на незнакомца, с которым случайно столкнулась в дверях магазина:

– Надо помочь Келли найти этого парня.

– Ты сейчас ни на что не способна.

– И все же я попытаюсь… О господи! Это моя вина! Зачем я звонила Билли Файну? Если бы не зеркало, ты бы так не злился, Ральф! Зачем я покупала это проклятое стекло! Мне надо найти мистера Бига! Найти во что бы то ни стало! Даже если это будет последним делом в моей жалкой и никому не нужной жизни!

Утирая ладонями мокрые щеки, Эйми повернулась к зеркалам, которые стояли у входа в «лабиринт». В одном из них она увидела отражение Ральфа. Из ее груди вырвался крик. Но она продолжала смотреть на зеркало, очарованная тем, что

предстало ее глазам.

– Эйми, что с тобой? Куда ты…

Он понял, куда она смотрит, и тоже повернулся к зеркалу. Его глаза испуганно расширились. Ральф нахмурился и сделал шаг вперед.

Из зеркала на него щурился гадкий и противный маленький человечек, не больше двух футов ростом, с бледным и вдавленным внутрь лицом. Безвольно опустив руки, Ральф с ужасом смотрел на самого себя.

Эйми начала медленно отступать назад. Повернувшись на каблуках, она зашагала к набережной, потом не выдержала и перешла на бег. И казалось, что теплый ветер нес ее на своих крыльях по пустому пирсу – навстречу свободе и крупным каплям дождя, которые благословляли это бегство.

Следующий

Окна выходили на некое подобие городского сквера – надо сказать, довольно жалкое подобие. Впрочем, некоторые его составные части освежали зрелище: эстрада, чем-то напоминающая коробку из-под конфет (по четвергам и воскресеньям какие-то люди разражались здесь громкой музыкой), ряды бронзовых скамеек, богато украшенных всякими позеленевшими излишествами и завитками, а также прелестные дорожки, выложенные голубой и розовой плиткой: голубой, как только что подведенные женские глазки, и розовой, как тайные женские же мечты. Дополняли очарование остриженные на французский манер деревья с кронами в виде огромных шляпных коробок. В целом же, глядя из окна гостиницы, человек, не лишенный воображения, мог бы принять это место за какую-нибудь французскую виллу конца девяностых годов. И конечно, ошибся бы. Все это находится в Мексике. Обычная плаза – площадь в маленьком колониальном городке, где в государственном оперном театре всего за два песо вам покажут замечательные фильмы: «Распутин и императрица», «Большой дом», «Мадам Кюри», «Любовное приключение» или «Мама любит папу».

Было раннее утро. Джозеф вышел на разогретый солнцем балкон и присел на колени перед решеткой. В руках он держал небольшой фотоаппарат «Брауни». Позади, в ванной, журчала вода, и голос Мари произнес:

– Что ты там делаешь?

– Снимаю, – пробормотал он себе под нос.

Она повторила вопрос. Щелкнув затвором, Джозеф поднялся на ноги, перевел кадр и, повернувшись к двери, сказал погромче:

– Снимаю! Городской сквер!.. Не пойму, зачем им понадобилось всю ночь шуметь? До полтретьего глаз не сомкнул… Угораздило же приехать как раз в тот день, когда в местном «Ротари»[2 - Сеть клубов по всему миру для бизнесменов и представителей свободных профессий.] попойка…

– Какие у нас на сегодня планы? – спросила она.

– Пойдем смотреть мумии, – ответил он.

– О господи… – вздохнула Мари, после чего в комнате повисла долгая пауза.

Он вошел, положил фотоаппарат и прикурил сигарету.

– Ну, если ты не хочешь, я сам поднимусь на гору и осмотрю их один.

– Да нет, – замялась она. – Лучше уж я пойду с тобой. Только я все думаю – на что они нам? Такой чудный городок…

– Смотри-ка! – вдруг воскликнул Джозеф, видимо заметив что-то краем глаза. В несколько шагов он оказался на балконе и замер там. В руке его дымилась забытая сигарета. – Иди же сюда, Мари!

– Я вытираюсь, – ответила она.

– Ну давай, побыстрее, – не унимался Джозеф, а сам как зачарованный смотрел куда-то вниз, на улицу.

За его спиной послышался шорох, который принес с собой аромат мыла, только что вымытого тела, мокрого полотенца и одеколона. Рядом с ним стояла Мари.

– Не двигайся, – сказала она. – Я спрячусь за тебя и буду выглядывать. Просто я голая… Ну, что у тебя там такое?

– Смотри, смотри!

По улице внизу двигалась какая-то процессия. Возглавлял ее человек, несущий поклажу на голове. За ним шли женщины в черных rebozo[3 - Длинный мексиканский шарф.]; прямо на ходу они зубами срывали шкурки с апельсинов и плевали их на мостовую. Далее следовали мужчины, а за ними – стайка детей. Некоторые ели сахарный тростник, вгрызаясь в кору, пока та не начинала трескаться, и тогда они кусками отламывали ее, чтобы добраться до вожделенной мякоти, а напоследок высосать сок из всех сухожилий. Всего в толпе было человек пятьдесят.

– Джо… – проговорила Мари за спиной у Джозефа и взяла его за руку.

Человек, возглавлявший процессию, нес на голове не простую поклажу. Накрытая сверху серебристым шелком с бахромой, она была еще украшена серебряными розочками. Мужчина бережно придерживал ее одной смуглой рукой, а другой размахивал при ходьбе.

Вне всякого сомнения, перед Мари и Джозефом были похороны, а поклажа являлась не чем иным, как маленьким гробиком.

Джозеф взглянул на жену.

Когда Мари только-только вышла из ванной, кожа ее была нежно-розовой, а теперь стала белой, как парное молоко. Сердце словно скатилось в какую-то пустоту внутри ее самой. Она совершенно забыла, что голая, и вышла на балкон, не отрывая взгляда от этой толпы жующих и что-то бормочущих людей. Некоторые из них даже сдавленно смеялись.

– Наверное, какая-то девчушка отправилась в мир иной – или мальчонка, – сказал Джозеф.

– А куда они тащат… ее?

Ее! Разумеется, Мари представилось, что это девочка, а не мальчик. И не просто девочка, а она сама, запакованная в посылочный ящик, как недозрелые фрукты. И вот ее несут, зажатую в кромешной темноте, как персиковую косточку, руки отца касаются ее гроба, но изнутри это не видно и не слышно. Там, внутри, – только ужас и тишина…

– На кладбище – куда же еще? – ответил Джозеф, глядя на Мари сквозь облачко сигаретного дыма.

– Ты так уверенно говоришь, будто знаешь, на какое именно.

– А в таких городках всегда только одно кладбище. Здесь обычно не тянут с похоронами. Думаю, девчушка умерла всего несколько часов назад.

– Несколько часов… – Мари отвернулась – голая, жалкая, с мокрым полотенцем в поникших руках. И медленно двинулась к своей кровати. – Неужели… Всего несколько часов назад она была еще жива, и вот теперь…

Джозеф продолжил:

– Теперь ее, скорее, несут на гору. Неподходящий здесь климат для покойников. Жара, бальзамировать нечем. Вот и приходится им спешить.

– Но представь себе, какой ужас – то кладбище… – произнесла Мари совершенно замогильным голосом.

– Ах ты о мумиях, – сказал он. – Да будет тебе расстраиваться.

Сидя на кровати, Мари машинально разглаживала полотенце у себя на коленях. Глаза ее казались не более зрячими, чем круглые коричневые соски грудей. Она смотрела на Джозефа и не видела его. Щелкни он сейчас пальцами, кашляни – она даже не вздрогнула бы.

– Они едят фрукты прямо на ее похоронах. И смеются!

– Путь до кладбища неблизкий, да еще все время в гору.

Мари вдруг дернулась, словно рыба, которая заглотила крючок и пытается освободиться. Затем бессильно откинулась на подушку.

Джозеф посмотрел на нее долгим взглядом. Это был особый взгляд – так обычно разглядывают плохую скульптуру. Холодный, придирчивый и в то же время равнодушный… Ну да, конечно, его рукам знакомы все изгибы ее полнеющего и дряблого тела. Это уже далеко не то тело, которое он обнимал на заре их супружества, – оно изменилось, и изменилось непоправимо. Словно скульптор случайно пролил на упругую глину воды, превратив ее в бесформенную массу. Теперь сколько ни отогревай ее в руках, сколько ни пытайся выпарить влагу, прежней ей уже никогда не стать. Да и откуда взяться теплу? Ведь лето – их лето – давно прошло. Теперь безжалостная вода въелась в каждую клеточку ее тела, отяжелив груди, заставив обвиснуть кожу.

– Что-то я неважно себя чувствую, – сказала Мари и задумалась, словно пыталась понять, действительно ли это так. – Совсем неважно, – повторила она, но Джозеф ничего не ответил. Полежав еще пару минут, она приподнялась. – Давай не будем оставаться здесь еще на одну ночь, Джо.

– Городок такой живописный…

– Да, но ведь мы уже все осмотрели. – Мари встала. Она знала наперед, что он скажет. Что-нибудь веселое, бодрое и жизнерадостное – разумеется фальшивое. – Можно поехать в Патцкуэро. Это рукой подать. Тебе даже вещи паковать не придется, милый, я все беру на себя! Остановимся в отеле «Дон-Посада». Говорят, там красивейшие места…

– Здесь, – перебил ее Джозеф, – здесь красивейшие места.

– …и все дома увиты бугенвиллеей, – закончила Мари.

– Вон, – он показал на цветы на окне, – вон твоя бугенвиллея.

– А еще там можно порыбачить – ты же обожаешь рыбачить, – поспешно добавила Мари. – И я тоже буду рыбачить с тобой. Я научусь – правда научусь. Я так давно мечтала научиться рыбачить! Знаешь, у тарасканских индейцев раскосые глаза, и они почти не говорят по-испански… А оттуда мы можем отправиться в Паракутин – это недалеко от Урвапана, там делают замечательные лаковые шкатулки. О, это будет здорово, Джо!.. Все. Я начинаю собирать вещи. Постарайся понять меня и…

– Послушай, Мари…

Джозеф окликнул ее, и она остановилась, не добежав до двери ванной комнаты.

– А? – повернулась она.

– Разве не ты говорила, что неважно себя чувствуешь?

– Ну да, я. Я и правда чувствовала… чувствую себя неважно. Но стоит только подумать об этих замечательных местах…

– Да пойми же: мы не осмотрели и десятой части этого города, – с самым резонным видом начал он. – Там, на горе, есть статуя Морелоса – я собирался ее сфотографировать. Кроме того, дома французской постройки… Ну подумай: преодолеть столько миль, ехать сюда, добираться – а потом побыть всего один день и уехать! И потом, я уже заплатил за следующую ночь…

– Мы можем сделать возврат, – поспешно заверила его Мари.

– Ну почему ты так хочешь уехать отсюда? – с притворным простодушием, словно он говорил с ребенком, спросил Джозеф. – Тебе что, не нравится этот город?

– Да нет же, городок прелестный, – ответила Мари, изобразив улыбку на совершенно бледном лице. – Такой чистенький… гмм… зеленый.

– Ну вот и ладно, – порешил Джозеф. – Тогда остаемся еще на день. Обещаю: ты обязательно полюбишь эти места.

Мари начала что-то говорить, но замолкла.

– Что-что? – переспросил он.

– Да нет, ничего.

Она закрыла за собой дверь ванной. Было слышно, как Мари роется там в аптечке. Затем зашумела вода. Очевидно, она принимала какое-то желудочное средство.

Джозеф встал под дверью.

– Скажи… ты ведь не боишься мумий? – спросил он.

– Н-не, – промычала она.

– Значит, все из-за похорон?

– Угу.

– Имей в виду: если бы ты действительно боялась, я бы без всяких промедлений собрал чемодан – да-да, дорогая.

Он дал ей время обдумать ответ.

– Да нет, я не боюсь, – сказала Мари.

– Вот и умница, – похвалил он.

Кладбище было обнесено толстой кирпичной стеной. В каждом из четырех углов ограды застыли в порыве на своих каменных крыльях грязноватого вида купидоны. Головы их были украшены шапочками из птичьего помета, которые на лбу плавно переходили в веснушки. На руках пестрели амулеты того же происхождения. Джозеф и Мари наконец поднялись на гору, увязая в горячих солнечных лучах, словно в тягучей жиже. За их спинами по земле стелились

голубые тени. Впереди маячила железная решетка кладбищенских ворот. Чтобы открыть ее, им пришлось немало потрудиться.

Прошло всего несколько дней после празднования так называемого Eli Dia de Muerte, то есть Дня мертвых, и повсюду, словно безумные волосы, развевались ленточки, обрывки ткани и блестки – на торчащих тут и там могильных плитах, на резных, отполированных поцелуями распятиях и на гробницах, издали похожих на нарядные шкатулки для драгоценностей. Невысокие холмики все как один были посыпаны гравием. На некоторых застыли в ангельских позах статуи, на других возвышались огромные – в человеческий рост – каменные надгробия, щедро увешанные все теми же ангелочками. Отдельные плиты были такими непомерно широкими, что напоминали кровати, выставленные на просушку после ночной неожиданности. Во всех четырех стенах кладбища имелись встроенные ниши с гробами, обшитыми со всех сторон мрамором. Имена умерших либо вырезались прямо на камне, либо обозначались на жестяных табличках. Кое-где сведения были снабжены дешевым портретиком, рядом с которым на гвоздике висела какая-нибудь безделушка – видимо, та самая, которую усопший больше всего любил при жизни. Здесь были серебряные брелоки, серебряные ручки и ножки (а также фигурки людей целиком), серебряные чашки, серебряные собачки, серебряные церковные медальоны, просто – обрывки красных и голубых лент… Встречались и целые картинки, написанные маслом по жести: покойник при помощи ангелов возносится на небо.

Приглядевшись к могилам, Джозеф и Мари заметили на них остатки недавней фиесты Смерти. Застывшие капли воска на камнях – видимо, от праздничных свечей. Вялые орхидеи, прилипшие к молочно-белым камням, как раздавленные красные пауки, – в некоторых из них, несмотря на убогость, было что-то ужасающе сексуальное. Повсюду валялись скрученные листья кактусов, прутики бамбука и тростника, мертвые плети дикого вьюна, засохшие венки из гардений и бугенвиллей… Так выглядит бальный зал после буйного веселья, когда все танцоры уже разъехались, оставив за собой покосившиеся столы, брызги конфетти, оплывшие свечи, ленты и пустые мечты…

Здесь, среди могильных плит и склепов, было тепло и тихо. В дальнем углу кладбища Джозеф и Мари увидели какого-то человека. Он был на редкость маленького роста – прямо коротышка, – довольно белокож для испанца, имел высокие скулы и носил очки с толстыми стеклами. Облик довершали черный пиджак, серые брюки без стрелок, серая шляпа и аккуратно зашнурованные ботинки. Коротышка с деловым видом расхаживал среди могил – словно что-то

проверял, а может быть, следил за работой другого человека, который совсем неподалеку орудовал лопатой. При этом руки у него были засунуты в карманы, а под мышкой зажата сложенная вчетверо газета.

– Buenos diaz, se?ora y se?or![4 - Добрый день, сеньора и сеньор! (исп.)] – сказал он, наконец обратив внимание на Джозефа и Мари.

– Это у вас тут las mommias?[5 - Мумии (исп.).] – спросил Джозеф. – Скажите, они действительно существуют или это только легенда?

– Si[6 - Да (исп.).], существуют, – ответил мужчина. – И именно у нас. В катакомбах.

– Por favor, – сказал Джозеф. – Yo quiero veo las mommias, si?[7 - Будьте любезны, я хотеть видеть мумии (исп.).]

– Si, se?or.

– Me Espanol es mucho estupido, es muy malo[8 - Я говорить испанский очень плохо (исп.).], – извинился Джозеф.

– Да нет, что вы, se?or. Вы прекрасно говорите! Сюда, пожалуйста.

Он провел их между двух увешанных цветами плит к большому надгробию, спрятанному в тени ограды. Широкое и плоское, оно, как и все остальные, было посыпано гравием, а в середине его имелась узкая деревянная дверь с висячим замком. Подалась дверь со скрипом, обнаружив под собой круглый люк с винтовой лестницей, уходящей под землю.

Джозеф не успел сделать и шага, как его жена поставила ногу на ступеньку.

– Подожди, – сказал он. – Давай я вперед.

– Да нет. Все в порядке, – одними губами проговорила Мари и тут же начала спускаться вниз по спирали, пока земля и темнота не поглотили ее. Двигалась она осторожно – ступеньки здесь были такие узенькие, что не сгодились бы даже ребенку. Стало совсем темно, и некоторое время она только по звукам

шагов догадывалась, что смотритель идет за ней. Потом снова забрезжил свет, и наконец лестница вывела к длинному широкому коридору, стены которого были выкрашены белой краской.

Как оказалось, свет проникал сюда через небольшие готические окна, сделанные в сводчатом потолке. Высота стен говорила о том, что они углубились под землю футов на двадцать. Налево коридор тянулся пятьдесят футов, после чего упирался в стеклянную двустворчатую дверь, на которой было написано, что посторонним вход воспрещен. В правом же конце коридора возвышалась груда каких-то белых палочек и таких же белых гладких валунов.

– Это солдаты, которые сражались за отца Морелоса, – пояснил смотритель.

Они подошли к этому гигантскому складу поближе. Кости были уложены очень аккуратно – как дрова в поленнице, а поверх них такими же ровными рядами лежали черепа.

– Лично я ничего не имею против черепов и костей, – сказала Мари. – По-моему, в них нет совершенно ничего человеческого. Честное слово, я совсем не боюсь черепов и костей. Они все какие-то… насекомоподобные. К примеру, ребенок растет и даже не знает, что у него внутри скелет; для него в костях нет ничего плохого и страшного. Так же и я. Я не вижу на них никаких следов человека. Никаких остатков, которые могли бы вызвать ужас. Они… они слишком гладкие, чтобы их бояться. Настоящий ужас – это когда видишь что-то знакомое, но настолько измененное, что едва его узнаешь. А этих я совсем не узнаю. Они для меня как были скелеты, так и остаются скелетами. То, что я знала в них, изменилось настолько, что совсем исчезло, – а значит, не на что смотреть и нечего бояться. Правда же, забавно?

Джозеф кивнул.

Мари совсем расхрабрилась:

– Ну ладно, теперь давайте посмотрим мумии.

– Сюда, se?ora, – вежливо направил ее смотритель.

Они отошли от груды костей и зашагали к запрещенной стеклянной двери. Получив от Джозефа свой песо, смотритель торжественно распахнул дверь, и взору их открылся еще один коридор – узкий и длинный, – по стенам которого стояли люди.

– Боже правый! – воскликнул Джозеф.

Они были похожи на первоначальные заготовки скульптора – каркасы, на которые нанесен лишь первый слой глины, слегка обозначивший мускулы. Сто пятнадцать незаконченных статуй.

Пергаментная кожа была натянута между костей, как белье для просушки. Разложение не тронуло их – просто внутри высохли все соки.

– Все дело в сухом климате, – пояснил смотритель. – Поэтому они так хорошо сохраняются.

– И сколько же они здесь простояли? – спросил Джозеф.

– Некоторые один год, некоторые – пять, некоторые – десять, а некоторые и все семьдесят – да-да, se?or.

Одна только мысль об этом вызывала ужас. Достаточно было посмотреть направо – и взгляд упирался в первого, как и все остальные, прикрепленного к стене с помощью крюка и проволоки. Его отвратительный вид казался просто насмешкой по сравнению со следующим телом, которое определенно принадлежало женщине – хотя верилось в это с трудом. При взгляде на третьего стыла в жилах кровь, а у четвертой – тоже женщины – было такое лицо, словно она извинялась за то, что умерла и находится в таком странном месте.

– Но почему они здесь? – спросил Джозеф.

– Их родственники не заплатили ренту за могилы.

– А что, существует какая-то рента?

– Si, se?or. Двадцать песо в год. Или, если вам угодно, вы можете занять постоянное место – но тогда извольте выложить сто семьдесят песо. Сами знаете, народец тут у нас бедный – чтобы получить сто семьдесят песо, им приходится работать года два. Вот они и оставляют своих покойничков здесь. Ну конечно, первый год все платят двадцать песо и хоронят их в земле. Они-то надеются, что будут платить и на следующий год, и на послеследующий… Однако на следующий год вдруг оказывается, что совершенно необходимо купить нового осла. Или в семье появляется еще один лишний рот – а то и не один. А покойничек что – он ведь есть-то не просит. С другой стороны, и за плугом не ходит. А если, скажем, кто-то взял себе другую жену? Или у кого-то прохудилась крыша? В постель ведь мертвого не потянешь, и крышу он тоже не починит. Так на что люди скорее потратят свои денежки? А? То-то и оно…

– Ну и что дальше? – спросил Джозеф. – Ты слушаешь, Мари? – добавил он.

Мари считала тела. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь…

– Что-что? – еле слышно переспросила она.

– Ты слушаешь?

– Думаю, да… Э-э… Что ты сказал? Ах да, слушаю, конечно слушаю.

Восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать…

– А дальше… дальше в конце первого года я вызываю trabajando[9 - Здесь: рабочий (исп.).], он берет свою лопатку – и вперед. Откапывать. Знаете, на какую глубину мы их опускаем?

– Шесть футов? Насколько мне известно, это обычная глубина.

– А вот и не угадали, сеньор, а вот и не угадали. Поскольку мы почти что уверены, что ренту не заплатят, мы углубляемся всего на два фута. Так меньше возни, понимаете? Конечно, родственники умерших могут нас осуждать. Но мы делаем глубину и на три, и на четыре, и на пять, и на шесть футов – в зависимости от достатка семьи и от вероятности, что нам придется вскрывать эту могилу и доставать из нее тело. Следовательно, на шесть футов мы копаем,

только если совершенно уверены, что нам больше не придется выкапывать. И знаете – мы еще ни разу не ошибались, просчитывая денежные возможности людей. Ни одной вскрытой шестифутовой могилы!

Двадцать один, двадцать два, двадцать три… Губы Мари двигались почти беззвучно.

– Ну вот. А тела, которые выкопаны, размещают там, у стены – рядом с остальными compa?eros[10 - Приятели (исп.).].

– И их родственники знают, что они там?

– Si. – Коротышка вытянул указательный палец. – Вот этот, yo veo?[11 - Видите? (исп.)] Он из новеньких. Его madre y padre[12 - Мать и отец (исп.).] знают, что он здесь. Да только есть ли у них деньги? То-то и оно, что нет.

– Какое ужасное горе для родителей!

– Ну что вы, им на это совершенно наплевать, – с подкупающей честностью ответил коротышка.

– Нет, ты только послушай, Мари!

– Что? – Тридцать, тридцать один, тридцать два, тридцать три, тридцать четыре… – Ну да, совершенно наплевать.

– А если ренту все же заплатят – ну потом? – поинтересовался Джозеф.

– Тогда, – охотно ответил смотритель, – тела снова захоронят – на столько лет, за сколько будет заплачено.

– Прямо вымогательство какое-то… – пробормотал Джозеф.

Не вынимая рук из карманов, коротышка пожал плечами:

– Жить-то как-то надо.

– Но вы же понимаете, никому не под силу выложить сразу такую сумму – сто семьдесят песо, – сказал Джозеф. – Значит, так вы и держите их на двадцати песо год за годом – хоть десять лет, хоть тридцать. А тем, кто не платит, грозитесь, что упечете их любезную mamacita[13 - Мамочка (исп.).] или ni?o[14 - Ребенок (исп.).] в катакомбы…

– Ну, жить-то как-то надо, – повторил коротышка.

Пятьдесят один, пятьдесят два…

Мари шла по длинному коридору, вдоль стен которого рядами стояли мертвецы. И считала.

Они орали!

Казалось, они пытались вырваться из своих могил: их ссохшиеся руки были неистово сцеплены на груди, рты разинуты в крике, языки вывалены, ноздри напряжены…

Они словно застыли в этом крике.

Надо же, у всех до одного открытые рты. Какой-то нескончаемый вопль. Как будто они знают, что они мертвецы. Чувствуют каждой порой, каждым органом, каждым волоском.

Мари остановилась, чтобы услышать этот крик.

Говорят, собаки слышат звуки, недоступные человеческому уху. Людям кажется, что никаких звуков нет – а они на самом деле есть.

Коридор просто тонул, задыхался в крике. Вопили что есть сил вывернутые в ужасе губы, страшные ссохшиеся языки… Пусть и недоступно для человеческих ушей – но вопили!

Джозеф подошел к одному из тел поближе.

– Ну и ну… – протянул он.

«Шестьдесят пять, шестьдесят шесть, шестьдесят семь», – считала Мари, окруженная немыми воплями.

– Вот интересный экземпляр, – заметил смотритель.

Перед ними была женщина – руки вскинуты к лицу, рот широко раскрыт (так что видны совершенно целые зубы), длинные волосы спутаны, а глаза похожи на голубоватые птичьи яйца.

– Да, такое иногда случается. Эта женщина страдала каталепсией. Однажды она упала замертво, но на самом-то деле не умерла – у них сердце продолжает биться, но так скрытно, что не разобрать. Ну вот, значит, ее и похоронили в недорогом, но очень добротном гробу…

– А вы что – не знали, что она страдает каталепсией?

– Ее сестры знали. Но на этот раз они подумали, что она действительно умерла. А хоронят у нас быстро – климат жаркий…

– Ее похоронили через несколько часов после смерти?

– Si, разумеется. И никто бы даже не узнал о том, что с ней произошло, если бы год спустя ее сестры – которым пришлось поберечь деньги на другие покупки – не отказались платить ренту. Ну вот, мы и выкопали ящик, достали его, сняли крышку и заглянули внутрь…

Мари смотрела во все глаза.

Эта несчастная проснулась под землей. Она истошно визжала, билась в своем гробу, царапала крышку, пока не умерла от удушья – прямо в этой вот позе, с руками, вскинутыми к лицу, с разинутым ртом, с выпученными от ужаса глазами…

– Обратите внимание на ее руки, se?or, и сравните их с руками других, – продолжал смотритель. – У тех пальчики гладкие, все равно как розанчики. А у этой… скрюченные, растопыренные – сразу видно, что она пыталась выбить руками крышку!

– А может, тут виновато трупное окоченение?

– Уж поверьте мне, se?or, в трупном окоченении люди не колотят по крышкам гробов. И не кричат, и не выворачивают себе ногтей, и не вышибают локтями боковых досок, в надежде получить хоть глоток воздуха. Не спорю, у других тоже разинуты рты – словно все они кричат, si. Но это лишь потому, что им не ввели бальзамирующее вещество. Их «крик» всего лишь результат сокращения мускулов. Тогда как вот эта se?orita действительно кричала – ей досталась поистине muerte horrible[15 - Ужасная смерть (исп.).].

Шаркая туфлями, Мари подходила то к правой стороне, то к левой. Тела были голые – одежда уже давно сшелушилась с них, как сухие листья. Полные груди женщин походили на куски подошедшего теста. Тощие же бедра мужчин напоминали об узловатых изгибах увядших орхидей.

– Мистер Гримасоу и мистер Разиньрот, – сказал Джозеф и наставил объектив фотоаппарата на двух мужчин, которые словно бы мирно беседовали – рты их были приоткрыты, а руки застыли в выразительных жестах.

Щелкнул затвор. Джозеф перевел кадр и наставил объектив на другое тело. Снова щелкнул затвором, перевел кадр и перешел к следующему.

Восемьдесят один, восемьдесят два, восемьдесят три…

Отвалившиеся челюсти, высунутые, как у дразнящихся детей, языки, в круглых глазницах – воздетые к небу карие глаза с бледными белками… Острые, вспыхивающие искрами волоски на коже – они усеивают щеки, губы, веки, лоб. На подбородке, на груди и бедрах – густеют. Сухая пергаментная кожа, натянутая, как на барабане… Плоть, похожая на опару… Необъятные женщины – смерть расплющила их, превратив в жирную, бесформенную массу. Безумные волосы торчат во все стороны, наподобие разоренного гнезда. Виден каждый зубик – у них прекрасные зубы.

Восемьдесят шесть, восемьдесят семь, восемьдесят восемь… Глаза Мари убегают вперед по коридору. Быстрее! Не останавливаться! Девяносто один, девяносто два, девяносто три! Вот мужчина со вспоротым животом – дыра такая огромная, что похожа на древесное дупло, в которое Мари бросала любовные

письма, когда ей было лет одиннадцать. Заглянув в него, она увидела ребра, позвоночник и тазовые пластины. И снова – сухожилия, пергаментная кожа, кости, глаза, обросшие подбородки, застывшие, словно в изумлении, ноздри… Вот у этого разорван пупок – будто его пытались кормить пудингом прямо через чрево. Девяносто семь, девяносто восемь! Фамилии, названия городов, числа, месяцы, безделушки…

– Эта женщина умерла при родах!

К руке несчастной, словно куклу, подвесили на проволоке ее мертворожденное дитя.

– А это солдат – на нем еще сохранились остатки формы…

Глаза Мари метались от одной стены к другой… Вправо – влево, вправо – влево. От одного ужаса – к другому. От одного черепа – к новому. Словно зачарованная, смотрела она на мертвые, бесплотные, навсегда забывшие о любви чресла… Здесь были мужчины, странным образом превратившиеся в женщин. И женщины, превратившиеся в грязных свиней. Взгляд отскакивает от одного – и рикошетом перелетает к другому… От вздувшейся груди – к исступленному рту… От стены – к стене, от стены – к стене… Вот мяч в зубах у одного – он неистовым плевком перебрасывает его в когти к следующему – тот кидает его дальше – и мяч застревает меж темных набухших сосков… Публика неистовствует, кричит и свистит, глядя на этот страшный пинг-понг, где мячик-взгляд в ужасе отшатывается от стен и все-таки, преодолевая отвращение, катится дальше сквозь строй подвешенных на крюки солдат смерти…

Вот и последний – теперь за спиной все сто пятнадцать, голоса их слились в единый вопль…

Мари рывком оглянулась и посмотрела назад, туда, где начиналась винтовая лестница, ведущая наружу. До чего же изобретательна смерть! Сколько всевозможных выражений, поворотов, изгибов рук – и ни одно не повторяется… Они выстроились здесь, словно трубки гигантской каллиопы, вместо клапанов – разверстые рты. И эта каллиопа кричит, надрывается во все сто глоток разом – будто огромная сумасшедшая рука надавила сразу на все клавиши…

То и дело щелкал затвор фотоаппарата, и Джозеф переводил кадр. Щелк – перевел. Щелк – перевел…

Морено, Морелос, Сантина, Гоме, Гутиерре, Вилланусул, Урета, Ликон, Наварро, Итурби… Хорхе, Филомена, Нена, Мануэль, Хосе, Томас, Рамона… Этот – путешествовал, эта – пела, у того было три жены. Один умер от одной болезни, другой – от другой, третий – от третьей. Четвертого застрелили, пятого – пырнули ножом. Шестая просто упала замертво. Седьмой умер от пьянства, восьмой – от любви. Девятый свалился с лошади, десятый кашлял кровью, у одиннадцатой остановилось сердце… Двенадцатый – тот любил посмеяться. Тринадцатый слыл прекрасным танцором. Четырнадцатая была первой красавицей. У пятнадцатой было десять детей. Шестнадцатый – один из этих детей, так же как и семнадцатая. Восемнадцатого звали Томас – он чудесно играл на гитаре. Следующие три выращивали маис. У каждого было по три любовницы! А двадцать второй никогда не знал любви. Двадцать третья продавала на площади перед оперным театром маисовые лепешки – прямо там же и выпекала их на маленькой угольной жаровне. А двадцать четвертый бил свою жену – теперь она, гордая и счастливая, разгуливает по городу с другим, а он стоит здесь, навсегда возмущенный такой несправедливостью… А двадцать пятый захлебнул в легкие несколько кварт воды из реки – его выуживали сетью… А двадцать шестой был великим мудрецом – только теперь его мозги сморщились, как сушеная слива…

– Хочу сделать цветные фотографии каждого из них. А также записать имена и кто от чего умер, – сказал Джозеф. – Из этого может получиться забавная книжонка. Только представьте себе: сначала краткая история чьей-то жизни – а потом фотография, как он уже стоит здесь.

Джозеф тихонько похлопывал тела по груди. Звук получался глухой, словно он стучался в двери.

Мари с трудом продиралась сквозь опутавшую коридор вязкую путину воплей. Стараясь держаться ровно посерединке, она размеренно, не глядя по сторонам, шагала к винтовой лестнице. За спиной ее то и дело щелкал затвор фотоаппарата.

– И для новеньких место осталось, – сказал Джозеф.

– Si, se?or. Места здесь еще много.

– Да уж, не хотелось бы быть следующим… в вашем списке кандидатов.

– Эх, se?or, кому ж этого хочется.

– А как насчет того, чтобы купить у вас одного… из этих?

– Что вы, что вы, se?or! Нет, se?or!

– Ну, я заплачу вам пятьдесят песо.

– Да нет же, нет, se?or! Нет!

На рынке с шатких лотков продавали оставшиеся после фиесты Смерти леденцовые черепа. Женщины-продавщицы, замотанные в черные rebozo, почти не разговаривали друг с другом, лишь изредка перекидывались словечками. Перед ними был разложен товар: сладкие скелетики, сахарные трупики и белые леденцовые черепушки. На каждом из черепов причудливыми буквами было выдавлено какое-нибудь имя: Кармен, или Рамон, или Тена, или Гуермо, или Роза. Стоило все дешево – праздник закончился. Джозеф заплатил песо и купил парочку черепов.

Мари стояла рядом с ним на узкой улочке и смотрела, как смуглолицая продавщица складывает в пакет леденцовые черепа.

– Только не это, – проговорила она.

– А почему бы и нет? – возразил Джозеф.

– После всего, что было там…

– В катакомбах?

Она кивнула.

– Но они же вкусные, – прищурился он.

– Не знаю… Вид у них довольно ядовитый.

– Только из-за того, что они сделаны в форме черепушек?

– Да нет. Просто они плохо проварены… К тому же ты не знаешь, кто их делал, – может, у этих людей вообще дизентерия.

– О господи, Мари. Да у всех мексиканцев дизентерия.

– Ну и ешь их сам! – огрызнулась она.

– Увы, бедный Йорик… – продекламировал Джозеф, заглядывая в пакет.

Они двинулись по узенькой улочке, зажатой между высокими домами, где рамы на окнах были выкрашены желтым. Из-за их розовых решеток пахло острым tamale[16 - Мексиканское блюдо: толченая кукуруза с мясом и красным перцем.] и слышался плеск воды по кафельному полу. Чирикала домашняя птичка в клетке из бамбука, кто-то исполнял на пианино Шопена.

– Надо же, здесь – и вдруг Шопен, – сказал Джозеф. – Потрясающе!.. Кстати, довольно интересный мост. Подержи-ка. – Он отдал жене пакет с леденцами и принялся фотографировать красный мост, соединяющий два белых здания, по которому шагал мужчина в serape – ярко-красной мексиканской шали. – Прекрасно!

Мари шла и смотрела на Джозефа, потом отворачивалась от него – и снова смотрела. При этом губы ее беззвучно шевелились, шея была неестественно напряжена, а правая бровь слегка подергивалась. Мари то и дело перекладывала пакет с леденцами из одной руки в другую – точно несла ежа. Вдруг она споткнулась о бордюр, неловко взмахнула руками, вскрикнула и… уронила пакет.

– О господи! – Джозеф поспешно подхватил пакет с земли. – Посмотри, что ты наделала! Нескладеха!

– Нет, наверное, мне лучше было сломать лодыжку… – пробормотала Мари.

– Это же были самые лучшие черепа – и ты их испортила. А я так хотел привезти их домой и показать друзьям…

– Прости меня, – еле слышно сказала она.

– Прости, прости!.. – с досадой выкрикнул Джозеф, мрачно заглядывая в пакет. – Черт-те что! Где я теперь найду такие? Нет, это просто невыносимо!

Поднялся ветер. На узенькой улочке не было ни души – только Мари и Джозеф, почти зарывшийся лицом в свой пакет. Никого. Только они вдвоем, вдалеке от всего мира, за тысячи миль отовсюду – откуда ни возьми… А вокруг – пустой, ничего не значащий для них город. И голая пустыня, над которой кружат ястребы.

Чуть впереди, на крыше оперного театра, сверкали фальшивым золотом греческие статуи. В какой-то пивнушке надрывался граммофон, чужие слова уносил ветер.

Джозеф закрутил верх пакета, чтобы тот не раскрывался, и с досадой сунул в карман.

Они как раз успели на гостиничный ланч к половине третьего.

Сидя за столиком напротив Мари, Джозеф молча зачерпывал ложкой альбондигасский суп. Пару раз Мари весело заговаривала с ним, указывая на настенные фрески, но он только хмуро смотрел на нее и молчал. Пакет с разбитыми черепами лежал рядом на столе…

– Se?ora…

Коричневая рука убрала со стола суповые тарелки. Вместо этого появилась большая тарелка с энчиладами[17 - Блинчик с острой мясной начинкой.].

Мари подняла взгляд.

На тарелке лежало шестнадцать энчилад.

Она взяла в руки вилку и уже потянулась, чтобы взять себе одну штуку, но вдруг что-то ее остановило. Она положила вилку и нож по обеим сторонам тарелки. Оглянулась, посмотрела на расписные стены, затем на мужа… Взгляд ее снова вернулся к энчиладам.

Шестнадцать. Одна к одной – вплотную друг к другу. Длинный ряд…

Мари принялась считать их.

Один, два, три, четыре, пять, шесть.

Джозеф выложил одну на тарелку и съел.

Шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать.

Она спрятала руки на коленях.

Двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать.

Мари закончила считать.

– Я не хочу есть, – сказала она.

Джозеф положил перед собой еще одну энчиладу. Начинка, запеленутая в тонкую, как папирус, кукурузную лепешку. Вот он отрезает кусочек и кладет в рот… Мари мысленно представила себе, как этот кусочек пережевывается у него во рту, смачивается слюной, хрустит, – и зажмурилась.

– Ты чего? – спросил он.

– Ничего, – сказала она.

Осталось еще тринадцать энчилад – они были похожи на маленькие посылки или конвертики с младенцами…

Джозеф съел еще пять.

– Что-то мне нехорошо, – сказала она.

– Ела бы нормально – и все.

– Не хочу.

Он покончил с энчиладами и, открыв пакет, достал оттуда один из полураздавленных черепов.

– Может быть, не надо здесь?

– Почему это еще? – Джозеф смачно откусил одну из глазниц и принялся жевать. – А они ничего, – сказал он, перекатывая леденец на языке. После этого отхватил еще один кусок. – Очень даже ничего.

Она вдруг заметила выдавленное на черепе имя.

Там было написано «Мари».

Это надо было видеть, как она собирала чемоданы – свой и его. Бывает, в спортивных репортажах кадры прокручивают наоборот: например, только что спортсмен прыгнул с трамплина в воду – и вот он уже запрыгивает задом наперед обратно, на спасительный трамплин. Так и сейчас на глазах у Джозефа вещи словно сами собой залетали обратно в чемоданы: пиджаки – в один, платья – в другой… Перед тем как юркнуть в коробки, в воздухе птицами парили шляпы… Туфли, словно мыши, разбегались по полу и исчезали в норках. Наконец чемоданы закрыли свои пасти, клацнули замки и повернулись ключи. Все.

– Ну вот! – воскликнула Мари. – Все запаковано! Боже мой, Джо, как я счастлива, что мне удалось тебя уговорить.

Подхватив чемоданы, она засеменила к двери.

– Подожди, дай я помогу, – сказал он.

– Да нет, мне не тяжело, – покачала головой она.

– Но ты же никогда не носила чемоданы. И не надо. Я позову посыльного.

– Ерунда, – проговорила Мари, задыхаясь от тяжести.

Уже на выходе из номера мальчишка-посыльный все же выхватил у нее чемоданы с криком:

– Se?ora, por favor![18 - Сеньора, будьте любезны! (исп.)]

– Мы ничего не забыли? – Джозеф заглянул под обе кровати, после чего вышел на балкон и внимательно оглядел сквер. Зашел обратно, осмотрел ванную, секретер и даже умывальник. – Ну вот, – сказал он и с торжествующим видом вынес что-то в руке. – Ты забыла свои часы.

– Неужели? – Мари торопливо надела их и вышла за дверь.

– Не понимаю… – проворчал Джозеф. – Какого черта мы выезжаем в такую позднотищу?

– Но еще ведь только полчетвертого, – сказала она. – Всего лишь полчетвертого…

– Все равно не понимаю, – повторил он.

Оглядев в последний раз комнату, Джозеф вышел, прикрыл дверь, запер ее и, поигрывая ключами, стал спускаться вниз.

Мари уже ждала его в машине. Она прекрасно устроилась на переднем сиденье – и даже успела расправить на коленях плащ. Джозеф проследил, чтобы в багажник загрузили остатки багажа, а затем подошел к передней двери и постучал. Мари открыла и впустила его.

– Ну вот, сейчас-то мы и поедем! – воскликнула она со смехом, и глаза ее озорно блеснули на раскрасневшемся лице. Она даже вся подалась вперед – будто от этого движения машина могла тронуться сама собой. – Спасибо тебе, дорогой, что разрешил сделать возврат денег за сегодняшнюю ночь. Думаю, они нам еще пригодятся в Гвадалахаре. Спасибо!

– Угу, – пробурчал он в ответ.

Затем вставил ключ зажигания и надавил на стартер.

Машина не завелась.

Тогда Джозеф снова нажал на стартер. Рот Мари болезненно дернулся.

– Наверное, надо прогреть, – сказала она. – Ночью было холодно…

Он попробовал снова. Никакого результата.

Мари вцепилась в свои колени.

Джозеф попытался завестись еще не менее шести раз, после чего бессильно откинулся назад.

– Гмм…

– Попробуй еще разок. Должно заработать, – попросила она.

– Без толку, – сказал он. – Какая-то поломка.

– И все-таки попробуй еще раз.

Джозеф попробовал еще раз.

– Она обязательно заведется, вот увидишь, – проговорила Мари. – Ты включил зажигание?

– Включил – не включил… Включил! – огрызнулся Джозеф.

– Что-то непохоже, чтобы ты его включил, – сказала она.

– Ну вот, смотри! – Он на ее глазах повернул ключ.

– Теперь давай, пробуй.

– Видела? – спросил Джозеф, после того как вновь ничего не получилось. – Я ведь тебе говорил.

– Ты, наверное, что-то неправильно делаешь. Сейчас мы почти завелись! – воскликнула она.

– Так можно посадить аккумулятор – потом черта с два его здесь купишь!

– Ну и ладно – сажай. Я уверена, вот сейчас мы заведемся.

– Знаешь что, если ты такая умная, попробуй сама! – Джозеф вылез из машины и уступил ей место за рулем. – Ну давай, вперед!

Мари закусила губу и уселась за руль. Ее руки двигались медленно и торжественно, словно она совершала некий мистический обряд. Всем своим телом она будто пыталась попрать земное притяжение и прочие физические законы. Туфля с тупым носком изо всех сил топтала стартер – однако машина не издавала ни звука.

У Мари вырвался жалобный писк. Она отпустила стартер и дернула дроссель. После этого в воздухе появился вполне недвусмысленный запах.

– Ну вот, ты залила свечи! – воскликнул Джозеф. – Прекрасно! Изволь теперь пересесть на свое место.

Затем он раздобыл где-то троих молодцов, которые покатили автомобиль под гору. Сам вспрыгнул за руль, чтобы управлять. Машина быстро разогналась и стала бодро подпрыгивать на ухабах. Глаза Мари вспыхнули надеждой.

– Сейчас она заведется! – сказала она.

Но машина и не думала заводиться. Вместо этого они спокойно докатились до заправочной станции и затормозили возле баков с бензином.

Мари сидела молча, поджав губы, и, когда служитель станции подошел к машине, не открыла ни дверцу, ни окно – ему пришлось обходить машину и обращаться к ее мужу.

Некоторое время механик стоял, склонившись над мотором, потом выпрямился и хмуро посмотрел на Джозефа. Затем они вполголоса обменялись несколькими фразами по-испански.

Мари опустила окно и прислушалась к разговору.

– Ну, что он говорит?

Мужчины продолжали что-то обсуждать.

– Что он говорит? – еще раз, более настойчиво, спросила Мари.

Смуглый механик делал жесты в сторону мотора. Джозеф понимающе кивал. Беседа все продолжалась.

– Что там? – не унималась Мари.

Джозеф строго посмотрел на нее и свел брови к переносице.

– Подожди минуту. Не могу же я слушать двоих сразу!

Механик взял Джозефа под локоть. Казалось, они никогда не закончат обсуждение.

– Что он тебе говорит? – снова встряла Мари.

– Он говорит… – начал Джозеф, но не закончил, потому что мексиканец снова увлек его к мотору. Вид у механика был такой серьезный, будто на него наконец снизошло прозрение.

– Во сколько нам это обойдется? – выкрикнула Мари, выглядывая из окна машины и обращаясь к их склоненным спинам.

Механик что-то сказал Джозефу.

– Пятьдесят песо, – перевел Джозеф.

– А сколько времени займет починка? – прокричала его жена.

Джозеф снова обратился к механику. Тот пожал плечами, и некоторое время они спорили.

– Ну так сколько? – нетерпеливо спросила Мари.

Но обсуждение продолжалось.

Солнце уже клонилось к закату. Теперь оно висело над верхушками кладбищенских деревьев на горе, а на долину быстро наползала тень. И только небо оставалось чистым, голубым и нетронутым.

– Два дня. А может, и все три, – сказал Джозеф, повернувшись к Мари.

– Два дня!.. А не мог бы он починить как-нибудь временно – чтобы мы могли перебраться в другой город и встать на ремонт там?

Джозеф задал механику вопрос. Тот ответил:

– Нет, так нельзя. Надо делать полный ремонт.

– Ну почему, почему – что за глупость? Зачем он будет делать полный ремонт – ведь он прекрасно знает, что без него можно обойтись? Скажи ему, Джо, скажи… Пусть он поторопится и закончит…

Но мужчины уже не слушали ее. У них снова пошел серьезный разговор.

На этот раз вещи уже не были такими прыткими. Джозефу пришлось самому распаковывать свой чемодан. А чемодан Мари так и остался стоять у двери.

– Мне ничего не понадобится, – сказала она.

– Даже ночная рубашка?

– Ничего, посплю нагишом, – ответила Мари.

– Ну ладно тебе, я же не нарочно, – сказал Джозеф. – Это все дурацкая машина.

– Надо будет обязательно сходить и проконтролировать, как они там все делают, – пробормотала Мари, которая сидела на краешке кровати.

Они сняли другой номер. Мари отказалась от старой комнаты, сказав, что этого она просто не вынесет. Здесь, в новом номере, она могла представить, что они в другой гостинице, в другом городе. Отсюда открывался вид на аллею и на трубы канализации – а не на сквер с шляпными коробками деревьев.

– Слышишь, Джо, обязательно спустись к станции и проверь, как у них движется работа. Если не проверять, они могут протянуть с починкой и месяц, и два! – Она подняла на него взгляд. – А лучше вот что: пойди и займись этим прямо сейчас – вместо того чтобы слоняться без дела.

– Что ж, можно и сходить, – сказал он.

– Я пойду с тобой. Хочу купить журналов.

– Думаю, в таком городе ты вряд ли отыщешь американские журналы.

– Что, мне уже и посмотреть нельзя?

– И вообще… У нас мало денег, – сказал Джозеф. – Мне бы не хотелось связываться с банком и телеграфом. Только лишняя возня и трата времени.

– Но на журналы-то, я надеюсь, денег хватит? – спросила Мари.

– Ну, на парочку хватит.

– На столько, сколько я захочу! – отрезала Мари, сидя на кровати, вся красная от возмущения.

– Господи, у тебя же в машине чертова уйма этих журналов: «Пост», «Колльер», «Меркьюри», «Атлантик», «Барнаби», «Супермен»! Ты же не прочитала в них и половины статей!

– Они старые, – покачала головой Мари. – Я их уже все просмотрела и хочу новые… Когда сразу просмотришь, становится совсем…

– А ты не только просматривай, но и пробуй читать их, – язвительно сказал Джозеф. – Ты же умеешь читать, не так ли?

Когда они спустились на площадь, уже совсем стемнело.

– Дай мне несколько песо, – попросила Мари, и Джозеф протянул ей деньги. – И научи, как спрашивать по-испански про журналы.

– Quiero una publicacion Americano, – произнес он, не останавливаясь.

Мари, запинаясь на каждом слове, повторила за ним фразу и прохихикала:

– Спасибо.

Джозеф зашагал по направлению к технической станции, а Мари вернулась и подошла к ближайшей лавке с надписью Farmacia Botica[19 - Аптека (исп.).]. Разложенные на витрине журналы были все на одно лицо. Быстро пробежав глазами похожие, как члены одной семьи, названия, Мари пытливо взглянула на старичка, сидящего за прилавком.

– У вас есть американские журналы? – начала она, не решившись заговорить по-испански.

Старик уставился на нее.

– Habla Ingles?[20 - Вы говорите по-английски? (исп.)] – спросила она.

– Нет, se?orita.

Тогда Мари попыталась вспомнить испанскую фразу.

– Quiero… погодите… – Она запнулась и начала снова: – Quiero… Americano… э-э… жюр-на-ло?

– О нет, se?orita!

Мари всплеснула руками – как будто клацнули челюсти большого рта. Рот ее открылся и снова закрылся. У Мари было ощущение, что перед ней какая-то завеса. Она словно бы находилась здесь, в этом маленьком магазинчике, – и одновременно нет. Все эти смуглые, пропеченные солнцем люди, которые населяли город, были для нее чужими. Они не знали слов, которые знала она, – так же как она не понимала их слов. А если слова и произносились, то с великим смущением и стыдом. И вокруг города – одно только бесконечное пространство и время. А дом, ее дом, – где-то далеко, в другой жизни…

Мари резко повернулась и вышла.

Одну за другой обходила она лавки и везде видела одни и те же обложки с окровавленными быками, жертвами насилия или слащаво-конфетными лицами священников. Наконец в каком-то магазинчике ей попалось три номера «Пост», и она так обрадовалась, что даже засмеялась от восторга и оставила хозяину лавки приличные чаевые.

Прижимая заветные журналы к груди, Мари побежала по узкому тротуару – перепрыгнула канаву, стремительно перелетела через улицу, что-то напевая себе под нос на «ля-ля»… Затем вскочила на другой тротуар, пробежалась по нему и, улыбнувшись самой себе, перешла на быстрый шаг. Журналы она крепко

прижимала к груди, глаза ее были полузакрыты, ноздри вдыхали пропахший углем воздух, уши щекотал теплый ветерок…

В вышине звезды играли лучами на позолоте греческих статуй оперного театра. Мимо Мари проковылял какой-то мужчина, на голове он нес большую корзину, полную буханок хлеба.

Мари посмотрела на мужчину, на корзину у него на голове и внезапно застыла. Улыбка разом сошла с ее губ, руки, державшие журналы, разжались… Мужчина шел и бережно придерживал корзину рукой, а другой размахивал при ходьбе. Журналы выскользнули у Мари из пальцев и рассыпались на тротуар.

Она скорее бросилась подбирать их. Затем в одну секунду домчалась до отеля и буквально взлетела по лестнице.

Мари сидела в номере. По обеим сторонам и впереди от нее стопками лежали журналы. Она окружила себя ими, как крепостной стеной с опускными решетками из слов. Это были старые журналы – те, что валялись в машине. Их она уже смотрела раньше, и они годились теперь лишь для постройки крепости. А вот три только что купленных (хотя и потрепанных) номера «Пост» она взяла к себе и заботливо уложила на колени. Мари даже не решалась открывать их, предвкушая, как будет с упоением читать, читать, жадно перелистывать страницы и опять читать…

Наконец она решилась перевернуть первую страницу. Она будет читать их внимательно – строку за строкой, страницу за страницей. Все до запятой, до малейшего оттенка цвета в картинках. А еще осталось несколько лакомых кусочков в старых номерах из «крепостной стены» – рекламы, мультяшки, которые она пропускала, оставляя на потом.

Первый номер – вот этот – она будет читать сегодня вечером. Она растянет это удовольствие надолго, а завтра вечером примется за второй. Завтра вечером – если, конечно, она будет здесь завтра вечером. А может, и не будет – вдруг машина заведется, и тогда… Мари словно наяву ощутила запах выхлопных газов, услышала шорох шин по дороге и завывание ветра, раздувающего ей волосы. И все-таки, возможно, она будет здесь завтра вечером – здесь, в этой комнате. На этот случай у нее останется второй номер, и еще третий – на

послезавтра. Она аккуратно разложила все по полочкам у себя в голове. Итак, первая страница перевернута.

Затем вторая. Глаза пробежали по строчкам, потом еще раз, а пальцы уже сами собой нащупывали третью. И так дальше – часы тихонько тикали у Мари на запястье, время бежало, а она все переворачивала и переворачивала страницы – одну за другой, жадно разглядывая людей на фотографиях. Людей из другой страны, из другого мира – мира разноцветных неоновых вывесок, ночных баров и таких знакомых, родных запахов… Мира, где люди говорят друг другу хорошие слова… А она сидит здесь и тупо переворачивает страницы, и строчки прыгают у нее перед глазами, а руки так быстро листают страницы, что они обдувают ей лицо, как опахалом. Мари отбросила в сторону первый «Пост», лихорадочно ухватилась за второй и в полчаса покончила с ним. Руки ее потянулись к третьему, и через пятнадцать минут он также был отброшен в сторону. Мари почувствовала, что ей трудно дышать, – она хватала ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Она подняла руки к затылку.

Откуда-то подул легкий ветерок.

Мари почувствовала, как сзади на шее зябко съежились корни волос.

Бледной рукой она осторожно дотронулась до головы, будто это был хрупкий шар одуванчика.

На улице, в сквере, целыми стаями летали бумажки, раскачивались на ветру уличные фонари. Тени то появлялись, то исчезали под их круглыми шляпами – при этом ржавые железные соединения на высоких столбах жалобно скрипели.

У Мари начали дрожать руки – она видела, как они дрожат. Затем у нее задрожало все тело. Под ярчайшей из ярчайших юбок, которую она специально надела сегодня вечером, в которой она прыгала и крутилась перед высоким, похожим на крышку гроба зеркалом, – под этой нарядной юбкой из искусственного шелка трепетало ее тело, натянутое точно струна. Стучали даже зубы. Мари пыталась сжать их, но они все равно стучали. Она изо всех сил закусила губу – так, что размазалась помада…

И тут раздался стук в дверь – вернулся Джозеф.

Они готовились ко сну. Джозеф сообщил, что все в порядке и машину уже начали чинить. Завтра он пойдет туда опять и проследит.

– Только не стучи больше в дверь, – сказала Мари, раздеваясь перед зеркалом.

– Тогда оставляй ее открытой, – пожал плечами Джозеф.

– Нет уж, я лучше ее запру. Но ты не долби так. Просто скажи, что это ты.

– А что тут такого – ну, постучал?

– Как-то странно… – ответила Мари.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду?

Она бы и не смогла объяснить. Свесив руки вдоль тела, она стояла, обнаженная, перед зеркалом и смотрела на свое отражение. Она видела свои груди, бедра – все свое тело. Она была живая – двигалась, ощущала под ногами прохладный пол, чувствовала кожей воздух вокруг себя… Если бы она дотронулась пальцами до кончиков грудей, груди бы узнали эти прикосновения.

– Ради всего святого, – поморщился Джозеф, – хватит тебе любоваться собой. – Он уже лежал в постели. – Ну что ты делаешь, скажи на милость? Что за поза? Зачем тебе понадобилось закрывать лицо?

Джозеф погасил свет.

Она не могла говорить с ним, потому что не знала слов, которые знал он, а он не понимал слов, которые говорила она. Поэтому Мари пошла к себе в кровать и легла. А Джозеф остался лежать на своей, повернувшись к жене спиной. Он был совсем как те чужие коричневые люди в городе. Мари казалось, что этот город находится где-то далеко, на самой Луне, и, чтобы попасть на Землю, нужно совершить космический перелет. Ах, если бы он поговорил с ней сегодня, она бы спокойно уснула! И дыхание бы улеглось, и кровь не билась бы так яростно в запястьях и подмышечных впадинах… Но он не говорил. Только тикали в тишине часы, отмеряя тысячи долгих секунд, и тысячи раз Мари поворачивалась с боку на бок, накручивая на себя одеяло, и подушка жгла ей щеку, как раскаленная

плита…

Темнота опутывала комнату черной москитной сеткой – Мари барахталась в ней, с каждым поворотом застревая все больше. Если бы он сказал ей хоть слово – одно только слово… Но он не говорил. И вены продолжали ныть в запястьях. Сердце ухало, как мехи, раздуваемые страхом, и раскалялось докрасна, освещая ее изнутри воспаленным огнем. Легкие так надрывались, будто она была утопленницей и сама делала себе искусственное дыхание. В довершение всего тело обливалось потом – вскоре Мари прилипла к простыням, как растение, зажатое между страницами толстой книги.

Так она лежала долгие часы, пока ей не начало казаться, что она вновь стала ребенком. Когда ненадолго стихали глухие удары сердца, похожие на бубен безумного шамана, тогда к Мари приходили эти неторопливые печальные образы. Теплое, золотистое, как бронза, детство – солнце играет на зеленой листве деревьев, на гладкой воде, вспыхивает на пушистой и светлой детской головке… Карусель памяти кружила перед ней лица – вот чье-то лицо приближается, проносится мимо и улетает… Вот еще одно появляется слева – его губы что-то говорят, – и вот оно уже метнулось вправо и исчезло. Снова и снова…

О, до чего же нескончаемая ночь! Мари пыталась успокоить себя, представляя, как они поедут завтра домой (если, конечно, машина заведется), как мирно будет гудеть мотор, шуршать под колесами дорога… Она даже улыбнулась своим мыслям в темноте.

А если не заведется? Мари сразу съежилась, будто съеденная огнем бумажка. Внутри у нее все сжалось, и осталось только тиканье часов на руке – тик, тик, тик…

Наконец пришло утро. Мари посмотрела на мужа, который, непринужденно раскинувшись, спал на своей кровати. Ее рука свисала в прохладный проем между кроватями. Она держала ее там всю ночь. Один раз попыталась дотянуться рукой до Джозефа, но не смогла – кровать отстояла слишком далеко. Ей пришлось тихонько притянуть руку обратно, надеясь, что он ничего не услышал и не почувствовал.

Вот он лежит перед ней. Веки сомкнуты в сладкой дреме, ресницы спутаны, словно длинные сплетенные пальцы. Ребра почти не двигаются – будто он не дышит. Конечно же, за ночь он успел наполовину выпростаться из пижамы. Впрочем, виден только его торс, а остальное скрыто под одеялом. Профиль на фоне подушки кажется таким задумчивым…

На подбородке у него она вдруг заметила щетину.

В скудном утреннем свете белели ее глаза. В сущности, во всей комнате двигались только они – вверх, вниз, направо, налево, – изучая анатомию лежащего напротив мужчины.

Мари видела каждый волосок на его подбородке и на щеках – и каждый был само совершенство. В щелку между шторами пробивался маленький сноп солнечного света и падал как раз на подбородок Джозефа, зажигая на нем искры.

Черные волоски вились и на его запястьях – такие же совершенные, гладкие и блестящие.

На голове волосы тоже были хороши – прядка к прядке, ни одного изъяна. Красиво вырезанные уши. И зубы – у него были прекрасные зубы…

– Джозеф! – вдруг закричала Мари. – Джозеф! – еще раз выкрикнула она и в ужасе вскочила.

«Бом! Бом! Бом!» – загремел колокол на башне огромного собора, что стоял через дорогу.

За окном шумно вспорхнула стайка белых голубей – словно махнувшие страницами журналы. Сделав круг над площадью, птицы поднялись вверх. «Бом! Бом!» – продолжал звенеть колокол. Где-то вдалеке музыкальная шкатулка выводила мелодию «Cielito Lindo»[21 - Мексиканская народная песня.].

Потом все стихло, и стало отчетливо слышно, как в ванной капает из крана вода.

Джозеф открыл глаза. Жена сидела на своей кровати и не спускала с него глаз.

– А я уж подумал… – сказал он и зажмурился. – Да нет… – Закрыл глаза и потряс головой. – Просто колокола звонят… – Он вздохнул. – А сколько сейчас времени?

– Не знаю. Ах да – восемь. Восемь часов.

– О господи, – проворчал Джозеф и повернулся на другой бок. – Можем спать еще целых три часа.

– Нет уж, ты встанешь! – вскричала Мари.

– Совершенно ни к чему, слышишь? Все равно в гараже никто раньше десяти не появится, а торопить их бесполезно. Так что можешь успокоиться.

– И все-таки ты встанешь, – сказала Мари.

Джозеф наполовину обернулся к ней – при этом над губой у него блеснули на солнце медные волоски.

– Но с какой стати? Ради бога, скажи, с какой стати я должен вставать?

– Потому что… потому что тебе нужно побриться! – Голос Мари сорвался в крик.

Джозеф застонал от досады.

– Значит, только из-за того, что мне нужно побриться, я должен вставать ни свет ни заря и бежать намыливаться – так, что ли?

– Но ты небритый!

– И не собираюсь бриться – до тех пор, пока мы не приедем в Техас.

– Не будешь же ты ходить как последний забулдыга!

– Хочу – и буду! Хватит и того, что каждое утро в течение тридцати дней я брился, повязывал галстук и отутюживал складку на брюках! Отныне – никаких брюк, никаких галстуков, никакого бритья и… и вообще.

Он так резко натянул на уши одеяло, что оно сползло наверх и обнажило его голую ногу.

Нога была согнута в колене и почти свисала с кровати. Падавшие солнечные лучи зажигали на ней искорки черных волос – они были совершенны.

Чем дольше Мари смотрела на эту ногу, тем больше округлялись ее глаза.

Она в ужасе прижала ко рту дрожащие пальцы…

Целый день Джозеф то уходил, то приходил. Он так и не побрился. Слонялся внизу по скверу. Так медленно вышагивал – Мари готова была убить его. Она была бы рада, если бы его поразило прямо на месте молнией. Вот он остановился возле одной из «шляпных коробок» и разговаривает с управляющим отеля, шаркая ботинком по бледно-голубой плитке тротуара. Вот любуется птичками и сверкающими на утреннем солнце греческими статуями. Вот дошел до угла и наблюдает за движением на дороге. Да нет там никакого движения! Просто он тянет время, чтобы подольше не возвращаться к ней. Нет бы ему пойти – побежать! – в гараж, накричать на этих ленивых механиков и ткнуть их носом в мотор, чтобы быстрее делали! Так нет же, он стоит здесь и смотрит за так называемым движением. А движения-то всего – «форд» 1927 года выпуска, велосипедист, полураздетые детишки да хромая свинья!

«Господи, ну давай же, шевелись, иди!» – кричало все внутри у Мари. Ей хотелось разбить вдребезги окно.

Плетущейся походкой Джозеф перешел через улицу и скрылся за углом. Всю дорогу до гаража он останавливался у витрин, читал вывески, глазел на картинки, трогал керамические безделушки на лотках гончаров. Эх, надо попить где-нибудь пивка. Да-да, пивка – самое то.

Мари тоже вышла в сквер – прогулялась по солнышку, еще немного походила по магазинам в поисках журналов. Затем снова поднялась в номер – почистила ногти, покрыла их лаком и снова спустилась в сквер. Слегка перекусила – и вернулась в отель. В качестве второго блюда были все те же журналы.

Мари боялась ложиться в постель. Стоило ей задремать, как перед глазами вновь всплывали печальные картины детства. А еще – старые друзья, дети, которых она никогда не видела, но о которых всегда думала, долгие двадцать лет… И все дела, которые она хотела сделать, но не сделала… Сколько она собиралась позвонить Лайле Холдридж – восемь лет прошло, с тех пор как они окончили колледж, – так и не позвонила. А какими они с ней были подругами! Милая, милая Лайла!.. И еще, лежа в постели, Мари думала о книгах, которые давно собиралась купить и прочитать, но так и не купила. Прекрасные книги – а как они пахнут! Как же все это грустно! Всю жизнь она мечтала иметь в своей библиотеке книги о стране Оз… До сих пор не купила! Но почему? И почему бы ей не сделать это сейчас? Жизнь ведь еще не окончена? Вот она приедет в Нью-Йорк – и сразу побежит покупать! А потом позвонит Лайле! И встретится с Бертом, Джимми, Хелен и Луизой! И обязательно съездит в Иллинойс, чтобы пройтись по родным местам, где прошло ее детство. Если только она вернется в Штаты. Если только… Каждый удар сердца болью отдавался в груди – тук, тук, тук – остановка – и снова тук, тук, тук… Если только она вернется.

Мари лежала и прислушивалась к биению.

Тук. Тук. Тук… Тишина… Тук. Тук. Тук… Тишина… Тук. Тук. Тук…

А вдруг оно прямо сейчас остановится совсем?

Ну вот!

Снова тишина!

– Джозеф!

Мари вскочила. Прижав обе руки к груди, она с силой надавила на нее, словно хотела вручную раскачать неисправный насос.

Сердце вздрогнуло, встрепенулось – и вдруг забилось часто-часто, сотрясая ударами всю грудь.

Мари снова откинулась на кровать. А вдруг оно остановится снова – и больше уже не забьется? Что же тогда делать? Она ведь просто умрет от страха… Умрет

от страха! Ну не смешно ли? Значит, она услышит, что сердце у нее не бьется, – и сразу умрет. От страха! И все равно она будет лежать и слушать. Все равно она вернется домой и позвонит Лайле, и купит книги, и будет танцевать, и будет гулять в Центральном парке, и… Слушать…

Тук. Тук. Тук… Тишина…

Джозеф постучал в дверь. Джозеф постучал в дверь – машина до сих пор не готова – значит, предстоит пережить еще одну ночь. Он так и не побрился, и черные волоски у него на подбородке один совершеннее другого, а все газетные киоски уже закрыты, и ей больше негде купить журналов, и они поужинали (впрочем, она могла бы и не ужинать), и Джозеф пошел прогуляться по вечернему городу.

Снова Мари сидела на стуле и чувствовала кожей, как сзади на шее щекотно поднимаются волоски. Она так ослабела, что не было сил даже встать со стула. Она была совсем одна – один на один с гулким биением собственного сердца, которое, казалось, сотрясало болью всю комнату. Глаза ее налились жаром, словно у испуганного ребенка, веки набрякли.

Нутром Мари почувствовала первый сбой. Еще одна ночь… Еще одна ночь… Еще одна ночь… Она будет даже дольше, чем предыдущая. Вот он, первый сбой, – маятник пропустил один удар. А вот и второй, и третий – как по цепочке. Они цепляются один за другой. Первый – совсем крохотный, второй – побольше, третий – еще побольше, четвертый – совсем большой, а пятый – просто громадный…

Ганглий – какой-то красненький жалкий узелок, похожий на обыкновенную штопальную нить, которая оборвалась в ней и трепещет. Как будто в механизме сломалась маленькая деталь – и теперь вся машина разладилась и дрожит как в лихорадке.

Мари не сопротивлялась. Она отдалась во власть этой дрожи, этого ужаса, этих взрывов внутри, обдающих ее липким потом, этого гадкого кислого вина, заполнившего рот. Сердце ее, словно сломанный волчок, отклонялось то в одну сторону, то в другую, спотыкалось, вздрагивало, ныло… Краска схлынула с лица – как будто выключили лампочку, и теперь стало видно все, что у нее внутри:

серые, бесцветные нити, переплетения и жилки…

Джозеф был здесь же, в комнате, – он уже пришел, но Мари даже не услышала, как он пришел. Впрочем, от его прихода ничего не изменилось. Молча, не произнося ни единого слова, он готовился ко сну: ходил по комнате, брал какие-то вещи, курил. Мари тоже ничего ему не сказала, только молча легла в кровать. Она не услышала, как он обратился к ней.

Она засекала время. Каждые пять минут смотрела на часы – и часы вздрагивали, и время вздрагивало вместе с ними. И эта дрожь, казалось, никогда не прекратится. Мари попросила воды. Перевернулась с боку на бок. Еще раз. И еще раз. За окном гудел ветер, сбивая набекрень шляпы фонарей, – и в окна врывался свет, будто кто-то открывал глаза, а потом закрывал их. Снизу, из холла, не доносилось ни звука – гостиница словно вымерла после ужина.

Он подал ей стакан воды.

– Я замерзла, Джозеф, – проговорила Мари, поглубже зарываясь в одеяло.

– Ничего страшного, – сказал Джозеф.

– Правда замерзла! И плохо себя чувствую, и вообще – я боюсь…

– Господи, ну чего ты боишься?

– Я хочу сесть в поезд и поскорее уехать в Штаты…

– Поезда ходят только из Леона – здесь не проходит железная дорога, – вздохнул Джозеф и прикурил очередную сигарету.

– Ну так давай доедем до Леона.

– Как? На такси? А свою машину бросим здесь? И потом – здесь такие шоферы…

– Все равно. Я хочу уехать.

– Утром тебе станет лучше.

– Нет, не станет. Я знаю, не станет! Мне плохо!

– Но это влетит нам в кругленькую сумму, дорогая, – брать машину до самого дома. Думаю, здесь пахнет сотнями долларов.

– Неважно. У меня на личном счету есть двести долларов. Я заплачу. Только, ради всего святого, поехали домой!

– Ну что ты – завтра утречком выглянет солнце, и ты сразу почувствуешь себя лучше… Это все потому, что нет солнца.

– Солнца нет, и ветер поднялся… – прошептала Мари, закрыв глаза и прислушиваясь. – Завывает, как в пустыне. Непонятная страна эта Мексика. Или джунгли тебе – или пустыня. И кругом разбросаны крохотные городки вроде этого, где фонарей раз-два и обчелся…

– Между прочим, довольно большая страна.

– Неужели местные жители никогда не ощущают себя одинокими в этой пустыне?

– Думаю, они привыкли.

– И не боятся?

– Чего им бояться – у них есть вера, религия.

– Мне бы такую веру.

– Знаешь, если бы у тебя появилась вера, ты бы очень быстро разучилась думать, – сказал Джозеф. – Если отдаться целиком какой-то одной идее, то в голове просто не останется места для чего-то другого.

– Вчера, – тихо произнесла Мари, – мне только того и хотелось. Я рада была бы ни о чем не думать и целиком отдаться какой-нибудь идее, которая спасла бы меня от страха.

– Господи, какого еще страха? О каком страхе ты говоришь? – пожал плечами Джозеф.

– Если бы у меня была вера, – проговорила Мари, не обращая внимания на его слова, – то я бы знала, как себя приободрить. Я просто не умею выводить себя из этого дурацкого состояния…

– Боже… – пробормотал себе под нос Джозеф и рывком сел.

– Я всегда была верующей, – сказала Мари.

– Баптисткой.

– Нет. Тогда мне было лет двенадцать. Я перестала верить – потом.

– Ты никогда мне не рассказывала.

– Да нет же – ты знаешь…

– Какая еще вера? Гипсовые святые в ризнице? Или нет – какой-то специальный, собственный святой, к которому ты обращала свои молитвы, да?

– Да.

– И что же – он отвечал на них?

– Ну, немного. Один раз. А потом – нет. Ни разу больше. За долгие годы – ни разу. Но я все равно продолжаю молиться.

– Что же это за святой?

– Святой Иосиф.

– Значит, святой Иосиф. – Он встал и с оглушительным бульканьем налил себе воды из стеклянного графина. – Проще говоря, Джозеф, да?

– Это совпадение, – сказала Мари.

Некоторое время они в упор смотрели друг на друга. Затем Джозеф отвернулся.

– Надо же – гипсовые святые… – проговорил он, отхлебывая воду.

– Джозеф! – прозвучал голос Мари в повисшей тишине.

– Что?

– Возьми меня за руку, пожалуйста.

– Ох уж эти женщины… – вздохнул Джозеф, после чего подошел и взял жену за руку.

Через минуту она вдруг выдернула у него руку и спрятала ее под одеяло. Рука Джозефа так и осталась в воздухе, пустая. Мари закрыла глаза и сказала дрожащим голосом:

– Надо же… Это вовсе не так здорово, как я себе представляла. На самом деле, когда я проделывала это в уме, было даже гораздо приятнее.

– Господи… – только и сказал Джозеф. Затем встал и направился в ванную.

Мари выключила свет. Теперь лишь тоненькая желтая полоска светилась под дверью ванной. Мари вновь прислушалась к своему сердцу. Оно стучало ужасно быстро – не меньше ста пятидесяти ударов в минуту. И вновь изнутри ее тела исходил какой-то отвратительный дребезжащий гул, как будто во всех костях завелись трупные мухи – и теперь жужжат, жужжат, жужжат… Она пыталась смотреть перед собой, но глаза ее будто перевернулись внутрь и видели только сердце. Сердце, которое разрывалось на части в грудной клетке.

В ванной шумела вода. Мари слышала, как муж чистит зубы.

– Джозеф!

– Да, – отозвался он из-за закрытой двери.

– Пойди сюда.

– Что тебе нужно?

– Я хочу, чтобы ты обещал мне кое-что. Пожалуйста, прошу тебя…

– Но что?

– Сначала открой.

– Я спрашиваю – что? Что именно? – раздался голос из-за закрытой двери.

– Обещай мне… – начала Мари и запнулась.

– Ну что, что тебе обещать? – спросил Джозеф, прервав затянувшуюся паузу.

– Обещай мне… – снова начала Мари и снова замолчала.

На этот раз муж ничего не сказал. Мари обнаружила, что ее сердце стучит в унисон с часами. Где-то за окном скрипнул фонарь.

– Обещай мне, если что-нибудь… случится… – услышала она свой голос – такой глухой и далекий, будто она стояла в миле отсюда, – если что-нибудь случится со мной, то ты не дашь похоронить меня на этом кладбище, рядом с этими мерзкими катакомбами!

– Ну, не глупи, – отозвался Джозеф из-за двери.

– Ты обещаешь? – переспросила Мари, глядя расширенными глазами в темноту.

– Зачем ты заставляешь меня обещать всякие глупости!

– Обещай, пожалуйста, обещай… Ты обещаешь?

– Утром ты поправишься, дорогая, – продолжал твердить он.

– Все равно обещай – иначе я не усну. Я смогу заснуть, только если ты скажешь, что никогда не оставишь меня там. Я не хочу, не хочу стоять там…

– Ну честное слово! – воскликнул Джозеф, теряя терпение.

– Пожалуйста… – умоляла Мари.

– Ну почему я должен обещать тебе такие вещи, почему? – всплеснул он руками. – Завтра тебе будет лучше. И вообще… Лучше представь, как бы ты замечательно смотрелась в этих катакомбах – где-нибудь между мистером Гримасоу и мистером Разиньротом, а? – Джозеф заразительно рассмеялся. – Вставили бы тебе в волосы бугенвиллею…

Мари молча лежала в темноте.

– Ну разве не здорово? – спросил он сквозь смех из-за двери.

Она ничего не ответила.

– Как ты думаешь? – переспросил он.

Внизу на площади послышались чьи-то тихие шаги – и удалились.

– Эй! – позвал он, продолжая чистить зубы.

Мари лежала, вперив глаза в потолок, и грудь ее часто-часто вздымалась – и все чаще и чаще воздух вырывался из ее ноздрей, а в уголке рта показалась тоненькая струйка крови. Глаза ее были широко распахнуты, руки неистово терзали края простыни.

– Эй! – снова окликнул он из-за двери.

Мари не ответила.

– Господи… – бормотал себе под нос Джозеф. – Да точно тебе говорю. – Он влез головой под струю и начал полоскать рот. – Уже завтра утром…

Со стороны ее кровати не доносилось ни звука.

– Странные все-таки существа эти женщины, – сказал Джозеф, обращаясь к своему отражению в зеркале.

Мари все лежала на кровати.

– Точно тебе говорю, – продолжал бубнить он, с бульканьем полоща горло антисептиком, затем громко сплюнул в раковину. – Завтра утром ты встанешь и побежишь…

Ни слова в ответ.

– Скоро они закончат чинить автомобиль.

Ни слова.

– Ты погоди, утро вечера мудренее. – Джозеф открутил крышечку и стал протирать лицо освежителем. – Думаю, закончат чинить уже завтра. Ну в крайнем случае – послезавтра. Ты ведь не против провести здесь еще одну ночь?

Мари ничего не отвечала.

– Не против? – переспросил он.

Никакого ответа.

Полоска света под дверью расширилась.

– Мари!

Он открыл дверь.

– Спишь?

Она лежала, глядя перед собой расширенными глазами, грудь ее тяжело вздымалась.

– Ну, значит, спишь, – заключил он. – Спокойной ночи, дорогая.

Джозеф лег в кровать.

– Устала, наверное.

Она не ответила.

– Устала… – повторил он.

За окном ветер качал фонари. Комната была темной и длинной, как туннель. Через минуту Джозеф уже дремал.

А Мари все так же лежала с открытыми глазами, и грудь ее то поднималась, то опускалась, и на руке тикали часы…

В такую погоду было здорово ехать через тропик Рака. Сверкающий автомобиль мягко подпрыгивал на ухабах, петлял между сопками, с ревом вписывался в крутые повороты, оставляя за собой легкое облачко дыма и все больше приближаясь к Соединенным Штатам. В машине сидел Джозеф – как всегда свежий, румяный и в панаме. На коленях у него уютно свернулся неизменный фотоаппарат – он не расставался с ним даже за рулем. К лацкану желтого пиджака была пришпилена черная шелковая ленточка.

Оглядывая проносящийся пейзаж, Джозеф рассеянно взмахнул рукой, словно обращался к попутчику… но осекся. Тут же его губы тронула глуповатая улыбка – он снова отвернулся к окну и принялся мычать себе под нос какой-то мотив. В то время правая его рука тихонько подкрадывалась к соседнему сиденью…

Оно было пусто.

Пристальная покерная фишка работы А. Матисса

Сейчас, в момент нашего с ним знакомства, Джордж Гарви – ничто, нуль без палочки. Позднее он будет щеголять моноклем работы самого Матисса – белой покерной фишкой с изображением голубого глаза. Вполне возможно, что еще позднее из золоченой клетки, вделанной в искусственную ногу Джорджа Гарви, польются трели и рулады, а левая его рука обретет новую – красная медь с нефритом! – кисть.

Но сперва взгляните на ужасающе заурядного человека.

– Финансовую секцию, дорогая?

Его квартира, вечер, шорох газет.

– Метеорологи пишут: «Ожидается дождь».

Дыхание, черные волоски в ноздрях колышутся: внутрь – наружу, внутрь – наружу, тихо, спокойно, размеренно, час, другой…

– Пора и ложиться.

По внешности – прямой потомок восковых витринных манекенов образца 1907 года. Умеет, на зависть всем магам и фокусникам, сесть в зеленое велюровое кресло и – исчезнуть. Отвернитесь – и вы уже забыли его лицо. Тарелка манной каши.

И вот, случайнейшая из случайностей сделала его ядром, средоточием авангардного литературного течения, дичайшего на памяти человечества.

Уже двадцать лет супруги Гарви жили в гулкой пустоте одиночества. Прелестная женщина, однако опасность неизбежной встречи с ним вчистую

отпугивала всех возможных посетителей.

Гарви обладал способностью мгновенно мумифицировать людей – о чем не догадывались ни его жена, ни он сам. Супруги утверждали, что после суматошного рабочего дня им очень приятно провести вечер спокойно, в обществе друг друга. Оба выполняли тусклую, бесцветную работу. Случалось, что даже они сами не могли припомнить название тусклой, бесцветной фирмы, поручавшей им эту работу, – белая краска на белом.

Записывайтесь в авангард! Записывайтесь в «Странный септет»!

Великолепная семерка расцвела махровым цветом в парижских полуподвалах, под звуки довольно вялой разновидности джаза; шесть с лишним месяцев она чудом сохраняла свои в высшей степени неустойчивые взаимоотношения, вернулась в Соединенные Штаты и тут, ежесекундно готовая с треском развалиться, наткнулась на мистера Джорджа Гарви.

– Мой бог! – воскликнул Александр Пейп, экс-самодержец шайки. – Я познакомился с потрясающим занудой. Вы просто обязаны на него посмотреть! Прошлым вечером Билл Тимминс оставил на двери записку, что, мол, вернусь через час. Я слоняюсь по холлу, и тут этот самый Гарви предлагает мне подождать в его квартире. Вот там мы и сидели – Гарви, его жена и я. Невероятно! Он – сама чудовищная Тоска, порожденная нашим материалистическим обществом. У него в арсенале миллионы способов парализовать человека! Великолепный антикварный экземпляр с непревзойденным талантом доводить до ступора, до глубокого сонного оцепенения, до полной остановки сердца. Клинический, лабораторный случай. Пошли к нему, нагрянем на него все вместе!

Они слетелись, как стервятники! Жизнь текла к дверям Гарви, жизнь сидела в его гостиной. «Странный септет» разместился на засаленном диванчике, «Странный септет» пожирал добычу глазами.

Гарви нервничал, не находил себе места.

– Если кто-нибудь хочет закурить… – Бледнейшая, почти что и не заметная улыбка. – Так вы не стесняйтесь, курите.

Тишина.

Инструкция гласила: «Молчать, чтобы никто ни полслова. Пусть подергается. Это – лучший способ выявить его сокрушительную заурядность. Американская культура – абсолютный нуль».

Три минуты полной тишины и неподвижности. Мистер Гарви чуть подался вперед.

– Э-э… – произнес он, – каким бизнесом занимаетесь вы, мистер?..

– Крэбтри. Поэт.

Гарви обдумал услышанное.

– Ну и как, – сказал он, – ваш бизнес?

Ни звука.

Пред нами фирменное молчание Гарви. Пред нами крупнейший в мире производитель и поставщик молчаний, назовите любое, и он вручит вам заказ, упакованный в благопристойное откашливание, завязанный еле слышными перешептываниями. Смущенное и оскорбленное, невозмутимое и торжественное, равнодушное и беспокойное, и даже то молчание, которое золото, – все, что угодно, только обратитесь к Гарви.

Но вернемся к конкретному молчанию данного, конкретного вечера – «Странный септет» буквально им упивался. Позднее, в своей квартире, за бутылкой «незамысловатого, но вполне приличного» красного вина (очередная фаза развития привела их в соприкосновение с реальной реальностью) эта тишина была разорвана в клочья, изгрызена и разжевана.

– Ты обратил внимание, как он мял уголок воротника? Да-а!

– И все-таки, что ни говорите, мужик он почти крутой. Я упомянул Маггси Спэньера и Бикса Байдербека – видели его в тот момент? Хоть бы глазом моргнул. А вот я… я только мечтать могу о таком выражении лица, чтобы полное

безразличие и ноль эмоций.

Готовясь ко сну, Джордж Гарви перебирал в уме события необыкновенного вечера. Приходилось признать, что в тот момент, когда ситуация стала совсем неуправляемой – когда началось обсуждение загадочных книг, незнакомой музыки, – он запаниковал, похолодел от ужаса.

Но это, похоже, не слишком озаботило необычных гостей. Более того, при прощании все они энергично трясли ему руку, рассыпались в благодарностях за великолепно проведенный вечер.

– Вот это я понимаю – прирожденный, профессиональный, высшего разряда зануда! – воскликнул в противоположном конце города Александр Пейп.

– Как знать, возможно, он потихоньку хихикает над нами, – возразил Смит, малый американский поэт двадцатого века.

Находясь в бодрствующем состоянии, Смит оспаривал все без исключения утверждения Пейпа.

– Надо сводить туда Минни и Тома, они влюбятся в нашего Гарви. Да-а, вечерок был – просто восторг, воспоминаний на месяц хватит.

– А вы заметили, – блаженно зажмурился Смит, малый поэт. – Краны в их ванной. – Он сделал драматическую паузу. – Горячая вода.

Все раздраженно вскинули на Смита глаза.

Им и в голову не пришло попробовать.

Шайка разрасталась; опара на невероятных дрожжах, она выламывала двери, выпирала через окна.

– Ты не видел еще Гарви? Господи! Возвращайся в свой гроб! Вот точно говорю – Гарви репетирует. Ну разве можно быть настолько серым без системы Станиславского?

Александр Пейп неизменно ввергал всю компанию в уныние безукоризненными речевыми имитациями; теперь он заговорил точь-в-точь как Гарви – медленно, неуверенно и смущенно.

– «Улисс»? А это не та книга, где про грека, про корабль и про одноглазого людоеда? Простите? – Пауза. – О-о! – Еще одна пауза. – Понятно. – Полное изумление. – «Улисса» написал Джеймс Джойс? Странно. Я готов был поклясться, что точно помню, как много лет назад, в школе…

Они ненавидели Александра Пейпа за эти блестящие имитации – и все же покатились от хохота. Продолжение не замедлило последовать.

– Теннесси Уильямс? Это что, тот самый, который написал слащавую деревенскую песенку «Вальс»?[22 - Песня в стиле кантри «Теннесси-вальс» не имеет, естественно, никакого отношения к Теннесси Уильямсу.]

– Быстро! – хором закричал народ. – Какой там у Гарви адрес?

– Да-а, – сказал мистер Гарви своей жене, – последнее время жизнь бьет ключом.

– А ведь это все ты, – ответила его жена. – Ты заметил, как они боятся пропустить хоть одно твое слово?

– Напряженность их внимания, – сказал мистер Гарви, – граничит с истерией. Они буквально взрываются от самых невинных моих замечаний. Странно. Ведь в конторе любая моя шутка словно натыкается на каменную стену. Вот сегодня, скажем, я и вообще не пытался шутить. Очевидно, во все, что я делаю или говорю, незаметно вплетается струйка подсознательного юмора. Очень приятно, что во мне это есть, раньше я даже не подозревал… Ага, вот и звонок. Начинается.

– Нужно извлечь Гарви из постели в четыре утра, – сообщил Александр Пейп. – Вот тогда он – действительно пальчики оближешь. Полное изнеможение плюс мораль fin de si?cle[23 - «Конец века» (фр.) – литература и искусство 1890-х; декадентство.] составляют изысканнейший салат.

Все дружно обиделись на Пейпа – ну почему именно он придумал наблюдать Гарви на рассвете? И все же конец октября был отмечен повышенным интересом к послеполуночному времени.

Собственное подсознание нашептывало мистеру Гарви, что он – премьера, открывающая театральный сезон, что дальнейший успех полностью зависит от устойчивости скуки, навеваемой им на зрителей. Купаясь во внимании гостей, он, однако, догадывался, с какой именно стати стекаются эти лемминги к его личному океану. По сути своей, в глубине, Гарви был на редкость блестящей личностью, однако вчистую лишенные какого-либо воображения родители втиснули его в прокрустово ложе привычного своего окружения. Далее он попал в еще худшую соковыжималку – Контора, плюс Фирма, плюс Жена. Конечный результат: человек, чьи потенциальные возможности превратились в бомбу замедленного действия, двадцать лет мирно тикавшую в мирной гостиной. Подавленное подсознание Гарви наполовину осознавало, что авангардисты в жизни не встречали никого, ему подобного, – или, вернее, встречали миллионы таких, но никогда прежде не удосуживались подвергнуть одного из них исследованию.

Итог исследования: он стал первой знаменитостью сезона. Через месяц в этой роли может оказаться какой-нибудь абстракционист из Аллентауна, сменивший кисти на садовый распылитель ядохимикатов и кондитерские шприцы, разбрызгивающий с двенадцатифутовой стремянки малярную краску исключительно двух – синего и светло-серого – оттенков на холст, загрунтованный неровными слоями клея и кофейной гущи, чей творческий рост зависит от признания общественности. Или – чикагский жестянщик, творец мобилей, пятнадцати лет от роду, но уже умудренный всей мудростью веков.

Ушлое подсознание мистера Гарви прониклось еще большими подозрениями, когда он допустил колоссальную оплошность – прочитал номер излюбленного авангардистами журнала «Ньюклиэс».

– Вот, скажем, этот материал о Данте, – сказал Гарви. – Очень, очень любопытно. Особенно анализ пространственных метаморфоз, происходящих у подножия

Antipurgatorio, и обсуждение Paradiso Terreste[24 - Речь, вероятно, идет о второй и третьей частях «Божественной комедии» Данте.]. А пассаж, где обсуждаются песни XV–XVIII веков, так называемые «доктринальные кантос», просто великолепен.

Ну и как же реагировал на это «Странный септет»?

Они были ошеломлены – все до единого.

В воздухе повис зябкий холодок.

Дальше – хуже. Выйдя из роли восхитительно заурядного недотепы, не имеющего за душой ни единой собственной мысли, жалкого раба машинной цивилизации, чья единственная мечта – чтобы все не хуже, чем у соседей, Гарви доводил их до бешенства своими соображениями по статье «Все ли еще экзистенциален экзистенциализм, или Крафт-Эббинг»[25 - Непереводимая игра слов. Искажена (что не отражается на произношении) фамилия немецкого психиатра Краффт-Эбинга, чем подчеркивается ее созвучие с английскими словами. В результате название статьи можно понять как «Все ли еще экзистенциален экзистенциализм, или это ремесло приходит в упадок?».]. И они ушли.

Им не нужны умственные рассуждения об алхимии и символике, преподносимые твоим писклявым голоском, увещевало Гарви его подсознание. Им нужен исключительно простой, старомодный белый хлеб с деревенским, домашнего приготовления, маслом, чтобы пережевывать затем в каком-нибудь полутемном баре, восклицая «как восхитительно!».

Гарви отступил на прежние позиции.

На следующий вечер он снова был таким же, как раньше, милейшим, драгоценнейшим, чистейшей воды – хоть на зуб пробуй – Гарви. Дейл Карнеги? Великий религиозный вождь! Харт Шаффнер и Маркс? Лучше любой Бонд-стрит. Новейшая Книга Месяца? Вот она, на столе. Вы читали когда-нибудь Элинор Глин?

«Странный септет» впал в почти истерический экстаз. Они согласились – не очень даже упираясь – посмотреть Мильтона Берля. Каждая шутка, каждое слово Берля вызывало у Гарви приступы неудержимого хохота. Соседи Гарви согласились записывать на видеомагнитофон дневные мыльные оперы, Гарви их ежевечерне смотрел, смотрел, не отрываясь от экрана, с чистым, религиозным благоговением. «Странный септет» с таким же благоговением смотрел на Гарви, они изучали его лицо, анализировали его абсолютную преданность «Матушке Перкинс» и «Второй жене Джона».

Гарви хитрел прямо на глазах. Ты на вершине успеха, говорило ему внутреннее «я». Оставайся на вершине! Радуй свою аудиторию! Завтра… завтра поставь им пластинки «Двух Черных Ворон»! И осторожнее, осторожнее! Вот, скажем, Бонни Бейкер… да, вот именно! Они вздрогнут, не в силах поверить, что тебе и вправду нравится, как она поет. Ну а Гай Ломбардо? Верно, самое то!

Ты символизируешь серую, безликую толпу, не отставало Джорджево подсознание. Они приходят сюда, чтобы изучить ужасающую пошлость воображаемого Человека Толпы – которого они якобы ненавидят. Однако колодец со змеями их завораживает.

– Они тебя любят, – сказала Джорджу Гарви жена, угадавшая ход его мыслей.

– Несколько устрашающей любовью, – печально улыбнулся Гарви. – Я ночами не сплю – все пытаюсь понять, зачем они сюда приходят. Сам у себя я не вызываю ничего, кроме тоски и неприязни. Глупый, уныло-болтливый человечек. Ни одной свежей мысли в голове. И теперь выяснилось: мне нравится быть в обществе. Собственно говоря, мне всегда хотелось быть компанейским, только вот возможности не представлялось. Последние месяцы стали для меня сплошным праздником. Их интерес угасает. А я хочу сохранить его навсегда. Что же мне делать?

Услужливое подсознание снабдило его списком необходимых приобретений.

Пиво. Тупо до крайности, свидетельствует об отсутствии воображения.

Претцели[26 - Сухое солоноватое печенье.]. Восхитительная старомодность.

Навестить маму. Прихватить картину Максфилда Парриша[27 - Максфилд Парриш (1870–1966) – американский художник и иллюстратор.] – ту, выцветшую, засиженную мухами. Произнести о ней речь.

К декабрю мистера Гарви объял полный, безысходный ужас.

Члены «Странного септета» уже свыклись с Милтоном Берлем и Гаем Ломбардо. Мало-помалу они сами убедили себя, что в действительности Берль слишком тонок для американской публики, а Ломбардо опередил свое время на добрые двадцать лет – просто так уж выходит, что пошлые люди любят его совсем не за то, по своим пошлым причинам.

Империя Гарви сотрясалась, готовая рухнуть.

Неожиданно оказалось, что он – вполне заурядный человек, не отклоняющийся от принятых в обществе вкусов, а едва за ними поспевающий, – авангардисты с восторгом вцепились в Нору Баэз, в Никербокер-квартет урожая семнадцатого года, в Эла Джонсона, исполняющего «Куда пошли Робинзон Крузо с Пятницей субботним вечером», и Шепа Филдза с его «зыбким ритмом». Максфилд Парриш был воспринят как нечто само собой разумеющееся. Уже на второй вечер все пришли к единодушному мнению: «Пиво – напиток интеллектуалов. Очень жаль, что идиоты тоже его употребляют».

Короче говоря, друзья испарились. До Гарви доходили слухи, что Александр Пейп даже играл одно время с мыслью провести – сугубо для прикола – в свою квартиру горячую воду. Этот чахлый сорняк был безжалостно вырван с грядки, но не прежде, чем Пейп сильно упал в глазах cognoscenti[28 - Ценитель искусства (ит.).].

Гарви из кожи вон лез, пытаясь прозреть прихотливые сдвиги вкусов и моды. Он увеличил количество бесплатно выставляемой пищи, раньше всех предугадал возвращение к «ревущим двадцатым» – не только сам сменил брюки на грубошерстяные колючие бриджи, но даже уговорил жену вырядиться в ровный, как мешок, балахон и сделать короткую стрижку «под мальчика».

Но стервятники прилетали, быстренько сметали все со стола и убирались восвояси. Теперь, когда по миру устрашающим гигантом шагало телевидение,

они торопливо влюбились в радио. Интеллектуалы слушали пиратские перезаписи радиопьес тридцатых годов – таких, как «Вик и Сэди» и «Семья Пеппера Янга», – а затем до хрипоты обсуждали их на своих сборищах.

Джорджа Гарви спасла серия решительных, с чудом граничащих действий, задуманных и осуществленных его запаниковавшим подсознанием.

Первым из этой серии был эпизод с неловко захлопнутой дверцей машины.

Мистер Гарви лишился кончика мизинца.

В последовавшей суматохе он нечаянно наступил на крошечный кусочек своей плоти, а затем, столь же нечаянно, отфутболил его далеко в сторону. К тому времени как утрата была выужена из уличной канавы, ни один хирург не взялся бы уже пришивать ее на место.

Счастливый несчастный случай! На следующий же день перебинтованный страдалец заметил в окне восточной лавки очаровательнейший objet d’art[29 - Произведение искусства (фр.).]. Быстренько припомнив, что рейтинг Гарви в среде авангарда неуклонно падает, зрителей на спектаклях становится все меньше и меньше, многоопытное подсознание затолкнуло его в лавку и заставило вытащить бумажник.

– Ты давно не встречал Гарви? – кричал Александр Пейп в телефонную трубку. – Мой бог, ты должен это увидеть!

– Что это такое?

Все глаза устремились в одну точку.

– Наперсток китайского мандарина. – Гарви небрежно взмахнул рукой. – Восточная древность. Мандарины носили такие наперстки, чтобы защитить свои пятидюймовые ногти.

Он поднял стакан с пивом. Золотой, чуть отставленный в сторону мизинец завораживающе сверкал.

– Никто не любит калек, их недостатки вызывают невольное раздражение. Утрата мизинца очень меня огорчила. Но теперь, с этой золотой фитюлиной я чувствую себя лучше прежнего.

– Такого красивого пальца ни у кого из нас нет и никогда не будет, – сказала жена Гарви, раскладывая по тарелкам зеленый салат. – И Джордж имеет на него полное право.

Гарви был потрясен, с какой легкостью расцвела заново его совсем было увядшая популярность. О искусство! О жизнь! Маятник, качающийся налево, направо, снова налево, от сложного к простому, снова к сложному. От романтики к реализму, чтобы неизбежно вернуться к романтике. Проницательный человек способен ощущать интеллектуальные перигелии, заранее готовиться к новым головокружительным орбитам. Полуобморочная, загнанная в подсознание гениальность Джорджа Гарви села в постели, начала принимать пищу, даже рискнула встать и прогуляться, с некоторым удивлением пробуя свои не находившие прежде никакого применения руки-ноги. А затем разгулялась.

– У людей нет ни крупицы воображения, – говорила эта тайная, столь долго пребывавшая в небрежении сущность Гарви – его собственным языком. – Если несчастный случай лишит меня ноги, я не стану пристегивать на ее место деревяшку. Нет, я закажу себе золотую, усыпанную драгоценными камнями ногу, и чтобы в ней была устроена золотая клетка с дроздом, чьи трели будут услаждать мой слух на прогулках и во время дружеских бесед. Лишившись руки, я закажу себе новую, из красной меди с нефритом, полую, и в ней будет отделение для сухого льда и еще пять отделений – по одному на каждый палец. «Кто-нибудь хочет выпить? – воскликну я. – Херес? Бренди? Дюбонне?» Затем невозмутимо поверну над бокалами золотые кончики моих пальцев. Пять холодных струй из пяти пальцев, пять напитков. Я закрою золотые краны и воскликну: «Пьем до дна!»

А самое главное, почти начинаешь хотеть, чтобы собственный глаз тебя оскорбил. Выковыряй его, говорит Библия, я не ошибаюсь? Это действительно из Библии? Если бы такое случилось со мной – помилуй бог, я бы и не подумал об этих кошмарных стеклянных глазах, не говоря уж о всяких там черных пиратских повязках. Знаете, что бы сделал я? Я бы взял покерную фишку и послал ее этому вашему французскому знакомому, как там его фамилия? Да, Матисс! Я бы написал: «К этому письму приложены покерная фишка и чек на ваше имя. Нарисуйте, пожалуйста, на фишке голубой, прекрасный, человеческий

глаз. Ваш покорный слуга Дж. Гарви».

Гарви всегда презирал свое тело, в частности – считал свои глаза слабыми, тусклыми и невыразительными. Соответственно, он не очень удивился, когда через месяц – одновременно с очередным падением гэллаповского индекса – его правый глаз заслезился, загноился, а затем и вовсе ослеп.

Гарви был убит.

И – в равной степени – тайно ликовал.

Авиаписьмо с покерной фишкой и чеком на пятьдесят долларов улетело во Францию. «Странный септет» наблюдал за всеми действиями Гарви, злорадно ухмыляясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/rey-bredberi/oktyabrskaya-strana/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Большой (англ.).

2

Сеть клубов по всему миру для бизнесменов и представителей свободных профессий.

3

Длинный мексиканский шарф.

4

Добрый день, сеньора и сеньор! (исп.)

5

Мумии (исп.).

6

Да (исп.).

7

Будьте любезны, я хотеть видеть мумии (исп.).

8

Я говорить испанский очень плохо (исп.).

9

Здесь: рабочий (исп.).

10

Приятели (исп.).

11

Видите? (исп.)

12

Мать и отец (исп.).

13

Мамочка (исп.).

14

Ребенок (исп.).

15

Ужасная смерть (исп.).

16

Мексиканское блюдо: толченая кукуруза с мясом и красным перцем.

17

Блинчик с острой мясной начинкой.

18

Сеньора, будьте любезны! (исп.)

19

Аптека (исп.).

20

Вы говорите по-английски? (исп.)

21

Мексиканская народная песня.

22

Песня в стиле кантри «Теннесси-вальс» не имеет, естественно, никакого отношения к Теннесси Уильямсу.

23

«Конец века» (фр.) – литература и искусство 1890-х; декадентство.

24

Речь, вероятно, идет о второй и третьей частях «Божественной комедии» Данте.

25

Непереводимая игра слов. Искажена (что не отражается на произношении) фамилия немецкого психиатра Краффт-Эбинга, чем подчеркивается ее созвучие с английскими словами. В результате название статьи можно понять как «Все ли еще экзистенциален экзистенциализм, или это ремесло приходит в упадок?».

26

Сухое солоноватое печенье.

27

Максфилд Парриш (1870–1966) – американский художник и иллюстратор.

28

Ценитель искусства (ит.).

29

Произведение искусства (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/rey-bredberi/oktyabrskaya-strana-sbornik-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить